

Тетралогия
в одном
томе

Андрей
БЕЛЯНИН

ТАЙНЫЙ СЫСК

Москва, 2023

Андрей БЕЛЯНИН

Тетралогия
в одном
томе

- Тайный сыск царя Гороха •
- Заговор Черной Мессы •
- Летучий корабль •
- Отстрел невест •

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Художник
И. Воронин

Беянин А. О.
Б43 Тайный сыск: Тайный сыск царя Гороха; Заговор Черной Мессы; Летучий корабль; Отстрел невест. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2023. — 697 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-3550-0

Спецслужбы были и будут всегда! Яркие будни сотрудников 1-го милицейского управления г. Лукошкино ежедневно разнообразят всякого рода черно-книжки, бояре-ворюги, Кощей Бессмертный, не к ночи будь помянут. На пути сказочных безобразий непреступной стеной встают младший лейтенант милиции Никита Иванович Ивашов, рядовой Митька и эксперт-криминалист Баба-яга. В Лукошкино — стольный град царя Гороха — бывший участковый Н. И. Ивашов попал по разнарядке неведомых сил из Москвы и вот уже четыре повести подряд успешно распутывает сложные дела, изгоняет супостатов, спасает царевен и обхитряет хитрецов.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-3550-0

© Беянин А. О., 2005
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2023

**ТАЙНЫЙ СЫСК
ЦАРЯ ГОРОХА**

— Встать, суд идет!

В душном помещении находится всего несколько человек: подсудимый с конвоирами, двое свидетелей, молодой участковый, адвокат, прокурор плюс два практиканта из Саратовского юридического университета. Дело будничное и скучное.

«Гражданин Д., находясь в нетрезвом состоянии, влез по пожарной лестнице в окно квартиры гражданки М., каковая в это время ушла в магазин за хлебом. Д. взял из квартиры деньги в размере 48 рублей и ценные вещи, как то: магнитофон «Маяк» 1967 г. выпуска, телефонный аппарат, четыре фужера хрустальных, вазу для цветов деревянную, с росписью под хохлому, завязал все это в скатерть и пытался совершить кражу. Но, сбегая по лестнице, поскользнулся, упал и сломал ногу. Вышедшие на шум соседи вызвали наряд милиции, которая и доставила похитителя в отделение, где ему была оказана необходимая медицинская помощь. От признания себя виновным гражданин Д. отказывается, ссылаясь на то, что был пьян.

Материалы по делу предоставлены участковым Серпуховского отделения милиции г. Москва.

Доклад составлен младшим лейтенантом Ивашовым Н. И.».

Суд выносит приговор, осуждая виновного по статье № 158 «Кража со взломом» к лишению свободы сроком на четыре года с отбыванием наказания в колонии обычного режима. Подсудимый вскакивает с места и кричит:

— Не виноватый я! Бес попутал...

— Ку-ка-ре-ку!

Опять тот же сон... Что за напасть? Третий раз за последнюю неделю. Никак не могу толком выспаться... Это было мое первое

дело. Особо я себя ничем тогда не проявил, запомнилось лишь потому, что первое и... последнее — в том мире. А солнце уже пробилось сквозь ставни терема и теплым лучом щекотало ресницы. Не хочу вставать...

— Ку-ка-ре-ку!

Уф... убью я этого петуха. Сегодня же скажу Яге, чтобы она из него суп сварила. Никакого сострадания к работникам милиции — будит, зараза, в пять утра!

— Никитушка-а...

Ну вот, легка на помине!.. Сейчас скажет, чтоб я, касатик, встал, что завтрак на столе, что бумаги царевы еще с вечера не разобраны, и пошло-поехало... В гроб она меня вгонит своей заботой.

— Никитушка... Вставай, касатик, завтрак уже на столе. Самовар кипит, блинчики горячие, а я сметанку из погреба достала. А то ведь сам знаешь, бумаги-то царевы со вчерашнего неразобраны лежат. Нехорошо... А то ить, как осерчает царь-батюшка, он у нас на расправу крут, ведь не сносить тебе головы, сокол ты наш ясный.

— Ох, бабуля... — Я сладко потянулся под пестрым лоскутным одеялом. — Что ж ты меня с утра пораньше да все запугиваешь? У нашего Гороха на все царство-государство только один младший лейтенант милиции. Не будет меня, кто здесь еще работать станет?

— И не говори, голубчик, окромя тебя-то, уж точно некому, — любезно поддержала меня Баба-яга, но линию своюгнула твердо: — А ты все равно вставай. Чай, не забыл, что Гришка с Никишкой с вечера в порубе сидят, твоего разбирательства ждутся.

Вот так... Не мытьем, так катаньем, но бабка своего добьется. Да я и спорю-то больше для проформы. Ясное дело, что поспать больше все равно не удастся. Ладно, пойду съем чего там наготовили и — за дела. Никишка с Гришкой — это два лопуха из соседней Подберезовки. Вчера упились медом у ярыжки — и давай прохожих задирают. Народец здесь нетрусливый, повязали охломонов да к нам в холодную. Ну ночку они в порубе провели, протрезвели, образумились. Выпускать их надо, к лешему, Митяй обоим по затылку даст — и на свободу с чистой совестью. Я встал, распахнул окно, сделал несколько коротких гимнастических упражнений. Хорошо!.. Умылся в лохани, снял с гвоздя чистое полотенце, вышитое крестиком, вытерся, натянул форму и спустился вниз. Моя домохозяйка хлопотала у широкого стола. На белой скатерти был приготовлен настоящий пир — здоровенная гора

блинов, две миски — с медом и сметаной, клюква моченая в туюске, парное молоко в крынке и непременно самовар.

— Ну, бабуся, ты у меня просто прелесть! — Я чмокнул старушку в щеку и бухнулся на скамью. — Сейчас поем, а потом быстро за дела. Митяй еще не подошел?

— Как не подошел, касатик? Он еще до петухов на завалинке сидел, все тебя дожидался.

— Буду... скоро буду... — прочавкал я.

Яга присела на табуреточку у печки, не сводя с меня умиленного взгляда. Должен признать, что царь проявил редкую проницательность, поселив меня на квартиру именно к Бабе-яге. Старуха давно скучала одна, замужем не была сроду, ни детей, ни плетей — вот и изливала на мою скромную особу весь запас нерастраченной материнской нежности. К тому же в деле сыска была просто бесценным информатором. Откуда что знала — ума не приложу...

— Никитушка... Я вот все спросить хочу, а почему ты каждое утро к столу при всем параде выходишь, а?

— Не при всем... китель и фуражка остались в сенях. А форма нужна для солидности. Ты ж знаешь царских гонцов — ни свет ни заря все ломаются со своими депешами. Не могу же я их в рубахе да подштанниках встречать? Уважать перестанут.

Я врал. Просто милицейская форма — это то небольшое, что еще связывало меня с моим миром. Уже почти два месяца как я заброшен в сказочную страну, неизвестно какое царство-государство, и несу привычную службу по охране закона и порядка. Живу в столице, большом по здешним меркам городе под названием Лукошкино. Правит им царь Горох. Крепкий неглупый мужик с густой бородой и прогрессивным взглядом на жизнь. Когда он узнал, кто я и чем занимаюсь, то сразу же предложил создать столичное управление милиции, а меня назначил туда воеводой. Правда, воеводствовать мне особенно не над кем. Вон разве что Митяй... Этого парня мне дали в нагрузку, попросили пристроить к делу. Сам он из деревенских, двадцати трех лет от роду, росту два метра да в плечах полтора, силища немереная, храбрости хоть отбавляй, единственное, чего нет, — так это ума. Во всем прочем — отличный исполнитель и слушается меня, как родную маму.

— Никитушка, — прервала мои воспоминания бабка, быстрым шагом семеня к окну, — а ты ить прав был, вон они, настырники, едут! Видать, у царя опять случилось чего. Ох-ох-ох, дела наши грешные... И поесть-то спокойно не дадут.

— Ладно... — Я отодвинул миску с медом. — Бабуль, сделай мне по-быстрому стаканчик чаю, а там уж так и быть, пусть войдут.

Из-за окна раздался нестройный шум голосов:

— А ну пропусти, сиволапый! У нас цареве дело.

— Обождет, — невозмутимо отвечал бас верного Митяя, — батюшка воевода милиции еще завтракать изволют.

— Так ты, деревенщина, нам еще указывать будешь? Батогов захотел?!

Разговор оборвался после двух глухих ударов. Я привстал на скамье — обычно с таким звуком падает тело.

— Спаси и сохрани... — засуетилась Яга, вновь подбегая к окошку, — уж не убил ли он их, горемычных? Нет... Вон к колодцу тащит, у сруба положил, щас водой обольет. Глянь-кась, Никитушка, зашевелились!

— Пойду я. Спасибо за хлеб-соль, хозяйюшка. Как ни верти, а придется за дело браться. Да, а что у нас на обед?

— Пироги с визигой.

— Мм... замечательно! Прибереги, если буду задерживаться. Мне сегодня жалованье получать.

— Ты уж деньги-то, милоч, суй за пазуху подальше, украдут, не ровен час...

— У лейтенанта милиции? Не смейся, старушка! — Быстро захватив в сенях китель и фуражку, я вышел на крыльцо.

— Здравствуйте, батюшка.

— Здорово, Митяй. Кого это ты там поливаешь?

— Да вон холопы царские. Твою милость видеть хотели. Уж я уговаривал, объяснял, мол, воевода кушать изволит, а они, неслухи, ни в какую! Вынь да положи, а не то, говорят, терем разнесем! Ну уж я так и эдак, и по-хорошему, и с поклонами...

— Брехло ты, Митька, — удовлетворенно крикнул я. — Ладно, поплескай еще, пусть скажут, зачем пожаловали.

Мой напарник от щедрой души вылил по полному ведру воды на каждого. Нарядные гонцы походили теперь на свиней, блаженствующих в луже.

— А... ап... смилуйся, батюшка! Отзови ты, Христа ради, своего ирода. Мы ж по делу...

— Вежливость — превыше всего! — наставительно отметил я. — Вон на воротах расписание висит: прием граждан с девяти ноль-ноль. А сейчас не более половины седьмого. Чего ради волну гнать?

— Так ведь спешное дело, государево, — приподнялся один, а другой так и сидел, раскрыв рот и проверяя пальцем сохранность каждого зуба. — Царь наш просит тебя немедля во дворец идти, у них в казне большая покража обнаружилась. Мало три сотни золотых червонцев как корова языком слизнула!

— Ну уж корова-то здесь точно ни при чем, — буркнул я.

Третья кража за две недели. Предыдущие были не так заметны, и царь не давал им огласки, думая, что сам засунул куда-нибудь ключи и перстень с хризопразом. Значит, допекло его величество...

— Эй, Митяй! Запрягай кобылу, опергруппа, на выезд!

Царский терем был огромен — четыре этажа! В городе, где основная масса изб вообще едва видна от земли, это впечатляло. Дождя, слава богу, давно не было, дорога сухая, и мы добрались сравнительно быстро. Можно было бы и еще быстрее, если верхами, но в здешних краях престиж превыше всего. Как человека, облеченного властью, по вызову батюшки-царя меня всегда доставляли на телеге со специальным подобием кресла. Это мы с Митяем к табуретке спинку приколотили, укутали соломой, прикрыли ковром — получилось не хуже трона. Крестьяне и ремесленники при виде меня, гордо восседавшего на телеге с таким диковинным сиденьем, снимали шапки, кланялись и крестились. У ворот, пугаясь под ногами у невозмутимой стражи, суетился думный дьяк Филимон. Обычно он и отсчитывал мне десять червонцев в месяц, по три раза проверяя и норовя подсунуть старые, затертые. Дьяк был худ, высок, имел бегающие глазки, козлиную бородку и сварливый нрав.

— Где ж тебя черти-то стоко времени носят?! — накинулся он, даже не дожидаясь, пока я слезу.

— А где ваше «Здравствуйте, товарищ участковый»?

— Ну, здравствуй, здравствуй, сыскной воевода. Государь уж истомился весь, кричит, ногами топает, а тебя нет как нет!

— Вы не одни, вызовов полно, людей на все дела не хватает... — привычно забубнил я, но Филимона на мякине не проведешь.

— Хитер ты больно, лейтенант. Гляди, доведешь батюшку — повисишь денек на дыбе, поумнеешь!

При случае обязательно дам ему в глаз, но сейчас не время и не место. Мы поднялись по ступенькам наверх. Царь ждал меня в главном зале на третьем этаже. Когда мы вошли, он мерил комнату шагами от окна до окна.

— Заходи, Никита Иванович... Жду тебя. А ты пошел вон.

— Но батюшка... а как же... кто ж слова твои мудрые записывать будет? Не ровен час, какое слово и утерается.

— Пошел вон! — рявкнул государь, замахаясь на дьяка скипетром, но тот успел выкатиться за дверь.

Да, настроение у его величества не очень. Горох в таком состоянии действительно крутоват и скор на расправу.

— Ограбили меня, — глухо пожаловался он.

— Слышал. Давайте по порядку. — Я присел на скамью и раскрыл планшетку. — Какие ценности пропали?

— А ты не знаешь?!

— Слушайте, кто из нас двоих следователь — вы или я?! — Еще в школе милиции нам вдалбливали в головы — все под запись, все как положено, отчетность и еще раз отчетность. — Спрашиваю второй раз: что пропало?

— Перстень с хризопразом золотой, персидской работы. Сундучок дубовый, уголки да крышка железом резным обиты, в нем монет сотни три, а то и больше... — пустился перечислять царь.

— Минуточку, гражданин! Помнится, на прошлой неделе у вас якобы пропали ключи?

— Ключи-то нашлись, под кроватью у меня валялись, а вот прочего нет.

— Все ясно. Кого подозреваете?

— Да всех! — разгорячился государь. — Ежели ты эту пропажу не найдешь, я тут всю челядь на кол пересежаю! А тебе велю голову отрубить, чтоб впредь не врал, будто воров ловить учен был.

— Ну вы не очень-то... Милицейское управление лучше бы на ноги поставили, а то орете тут! Кто мне под начало тридцать стрельцов обещал? Кто божился ночное конное патрулирование финансировать? А матерьяльная база? Две кобылы да телега! Из всей сыскной бригады — один Митяй. Ну не разорваться же нам обоим!

— Ладно... не сердчай, — отошел Горох, но тут же стукнул кулаком по подоконнику: — А воров все ж таки найди!

— Найду, найду... куда они денутся. Где сундук-то стоял?

— Ясно где — в подвалах, где и прочая казна хранится.

— Мне надо осмотреть место преступления. — Захлопнув планшетку, я поднялся и кивнул царю: — Прошу следовать за мной.

Мы спустились в подвалы. Вход охраняла стража из четырех сменных стрельцов, однозначно утверждавших, что никто из посторонних к государевой казне близко не подходил. Знакомая картинка... Никто ничего не видел, не слышал и вообще не знает,

о чем речь. Пока царь доставал ключи, я внимательно осмотрел здоровенные замки. Никаких следов взлома, если и открывали, то не самодельной отмычкой, а родными ключами. Петли, скобы, кованые гвозди — все настолько надежно, что хоть взрывай, одной фомкой никак не взять. Царь наконец отпер дверь, и мы вошли внутрь. Двое шагнувших следом стрельцов зажгли свечи в высоких подсвечниках. Сравнительно небольшое помещение оказалось чуть ли не под потолок заставлено сундуками, коробами да бочками.

— Тут весь запас — золотой, серебряный и медный. Каменья самоцветные в другом месте держу. Вещи из золота-серебра — тоже.

— А-а, тут, значит, у нас только монеты?

— Только они, — подтвердил государь.

— Это правильно. Личные сбережения нельзя держать в одном месте. Вот еще: кто имеет постоянный допуск к золоту?

— Я, боярин Мышкин, казначей Тюря да дьяк Филимон. Ах вот оно что, — внезапно догадался Горох. — Вот, значит, о ком ты речь-то вел?.. Кого подозреваю, говоришь? Зело умен ты, воевода участковый. Сей же час всех троих на дыбу!

— Э-э-э... Ничего подобного я не говорил! — завопил я, потому как с него станется. С какой скоростью царские палачи выбивают «добровольное признание», не снилось ни одному журналисту, пишущему о беспределе во внутренних органах. — Со всем наоборот. Если сейчас мы арестуем пару невинных, вор успокоится и ляжет на дно. А я хочу, чтобы он от неизвестности занервничал, запаниковал, начал совершать ошибки и выдал себя с поличным.

— Мудрено... На дыбе-то оно побыстрей да понадежней.

— Слушайте, у вас тут есть хоть какое-то понятие о презумпции невинности?

— Будь по-твоему! — решил государь. — Вот тебе сроку — ровно неделя. Сыщи вора! Награжу шубой с плеча и на конную милицию отсыплю. Ну а не сыщешь, так и не взыщи: твоя спина — мой кнут.

Я молча пожал плечами. А что делать? В данной ситуации спорить не приходится... Царь на то и царь, что в любом случае прав.

— Пусть вечером ко мне в управление зайдут все трое. Повестки передать или сами явятся?

— Явятся, куда ж им деться, — многозначительно пообещал царь Горох. — А не пойдут, приведут поневоле!

Домой ехали не торопясь, в размышлении...

— Чегой-то не пойму я, батюшка, ежели, как ты сказал, замки-то не тронуты, у дверей стрельцы с оружием — как же цельный сундук с деньгами уплыл? Нет... Тут дело нечистое, без колдовства не обошлось!

— Наличие элементов колдовства еще доказать надо. Наша с тобой задача — следовать фактам. Факты — штука серьезная, бескомпромиссная, и с ними не поспоришь. А колдовство... Знал бы ты, какие суммы исчезали в наших финансовых пирамидах без всякой магии... Будем действовать по правилам. Надо выяснить, кто конкретно отвечал за подбор охраны, пусть он проверит своих людей. Завтра же еще раз обследовать весь подвал. Там этих сундуков выше крыши! Может быть, еще чего-нибудь пропало, просто в глаза не бросается. Да, сейчас отвезешь меня домой, а сам дуй на базар, бабка длинный список составила — где чего купить. А вечером пойдешь в кабак...

— Благодарствую, воевода-батюшка! — радостно осклабился парень, но я его несколько приспустил с голубых небес на грешную землю:

— Ты смотри у меня! Пей, да знай меру... Если опять на бровях придешь — в поруб посажу, он себя как медвытрезвитель лихо оправдывает. Помни — не просто идешь, а по заданию.

— Вот те крест, не подведу! А тока ежели в кабаке не пить, то какого же рожна мне там делать?

— Ну а ты походи, поприглядывайся, поприслушивайся. Надо выяснить, что об царской краже в народе известно. Что люди болтают. Если вор неопытный — он деньгами сорить начнет, собобщники тоже этим отличаются, может, кто чего спьяну и сболтнет...

— Понял, батюшка. Все как есть исполню, не извольте сомневаться. А ну, пошла! Пошла, залетная!.. Эгей!

Рыжая кобыла пустилась тряской рысью. Митька явно обрадовался заданию. Филерской школы у парня никакой, но учиться надо. Пока еще здесь удастся наладить агентурную сеть... Работаем с чем приходится.

Моя хозяйка ждала у окошка. Увидев нас, всплеснула руками и скрылась в дому. Держу пари, побежала доставать пироги из печки. Я выдал Митьке один золотой червонец (да разве нормальный человек забудет получить у думного дьяка свой кровный оклад?), еще раз наказал, чего купить, и отправил на базар. Бабка покормит его по возвращении. Именно Яга настояла на том, чтобы мы ели отдельно: я в горнице, он в сенях, где и спал.

Зазорно-де воеводе сыскному со своими же холопьями за одним столом сидеть. Уважать не станут. Я махнул рукой — за те два месяца, что здесь живу, знаю — старуха плохого не посоветует!

— Ну заходи, мила-ай... Снимай ботинки свои чудные, запылились небось. Я вон шлепки тебе новые связала. Обед на столе, банька греется...

— Ладно, ладно, и так все расскажу. Времени в обрез, к вечеру царь в управление подозреваемых пришлет. С чем пироги-то?

— А с визигой, как поутру и договаривались. Ты уж садись, касатик, да ешь, вон бледный какой...

Я ополоснул руки и сел за стол. Ну, да тут и кроме пирогов всего полно. Бабка кормит меня как на убой. Люди поговаривали, будто она в столице лишь последние лет десять живет, а до этого в лесу разбойничала. Не знаю... Все возможно. Возраст я у нее не спрашивал, женщина все-таки. Внешне вполне соответствует своему имени — горбата, нос крючком, зубы острые, желтые, на ногу прихрамывает, один глаз голубой, другой фиолетовый. В сенях ступа с помелом, по терему черный кот разгуливает... Да нормально все! Здесь все такие. В лесах лешие, в болотах кикиморы, в речках русалки, а люди живут себе... Я ведь тоже не забиваю этим голову, много думать вредно. У меня моя работа, стабильная зарплата, все льготы, какие захочу, отчего же не жить? Телевизора не хватает...

— Да, тяжелая твоя служба, — сочувственно вздохнула Яга, когда я по ходу разборки с пирогами в общих чертах разъяснил суть дела. — Чем могу — помогу, но ты уж от меня многого не жди — годы не те...

— Бабуля, ты у меня в любом возрасте просто прелесть! Вот Митяй из кабака вернется, мы это жулье быстро переловим. Руки за спину, наручники, телогреечку с номером — и, как водится, по этапу...

— Уморишь ты меня, касатик, — расчихикалась бабка. — Да ты ешь, ешь, а меня слушать и с пирогом во рту можно. Я, слышь-ко, че тебе предлагаю... Как будешь энтих троих на допрос вызывать, ты меня-то из горницы не гони. Я вон в уголке незаметно посижу, носки вязать стану, а сама слушать да примечать. Как кто врать-то начнет, я это враз угляжу! У меня на мужиковскую брехню глаз наметанный...

Я только головой покачал. Да пусть сидит, жалко, что ли? Дело, по первому взгляду, не представлялось слишком сложным. Не много народу могло войти в царское денежное хранилище. Сбежать из города с деньгами практически невозможно: прежде чем

послать за мной, Горох повелел закрыть ворота. Украсть и закопать? Не вижу смысла.

Мне почему-то казалось, что вор обязательно проявит себя. А пока я намеревался вести следствие, как нас обучали в школе милиции. То есть начать с вызова и опроса лиц, имеющих доступ к ограбленному объекту.

В назначенное время у наших ворот появились все. Если бы только те, кого я ждал...

Ох, елки зеленые! Дьяка Филимона сопровождало трое стрельцов с бердышами на изготовку. Казначей Тюря рыдал в обнимку с женой и вопящими детьми. Боярин Мышкин так вообще умудрился приволочь за собой все подворье: жену, ребятишек, престарелых родителей, близкую и дальнюю родню, холопов, бабок, няnek — всех, от последнего служки до первого пастуха. Вой стоял — хоть уши затыкай! За всю мою практику ничего подобного не было. Они же все трое как на казнь собрались. Небось и рубахи чистые надели, и в церковь сходили, и завещание огласили, и милостыню нищим раздали... А на воротах наших уже сидел повсеместно известный юродивый Гришенька, в драной рубахе и с полупудовым крестом на шее, восторженно болтая босыми ногами:

— Вот и суд ваш, кровопийцы! Ужо покажет вам участковый... Никитка-то, он на правезе ох как скор! На сажень в землю видит, за версту вора чует. Довольно вам бога гневить, пора и ответ держать!

Толпа откликнулась на его митинговые лозунги новыми взрывами стонов и рыданий.

— Гришенька! Смилуйся, помолись перед Господом за нас, грешных, — голосили бабы.

Я начал несколько нервничать. Баба-яга поняла мое состояние с полувзгляда и, быстро убрав со стола, кряхтя, направилась к двери.

— Всех сразу звать али по старшинству?

— Давай по старшинству, — подумав, кивнул я.

Пусть этот противный дьяк помучается в ожидании...

Не знаю, что им там сказала Яга, но крики за окнами стихли так резко, словно всем рты позатыкало. Минуту спустя бабка впустила в горницу дородного бородатого мужчину в дорогих одеждах и высокой бобровой шапке.

— Садитесь, гражданин.

Боярин остался стоять у входа, сверля меня суровым взглядом. Старуха незаметно отплыла в сторону и устроилась в уголке за печью с вязаньем. Я положил на стол планшетку, достал авто-ручку и приступил к планомерному допросу.

— Гражданин Мышкин?

— Бояре мы, — прогудел мужчина.

— Пройдите и сядьте! — повысил голос я. — Пока мы с вами просто беседуем. Не устраивает — можем продолжить в пыточной у Гороха. Я слышал, тамошние палачи — мастера своего дела.

Мышкин вздохнул, хлюпнул носом, подошел и осторожно сел на скамью напротив.

— Продолжим следствие. Ваше имя, отчество, год рождения?

— Афанасий, сын Федоров. Когда родился — не ведаю, про то у попа в книге записано, а нам знать без надобности.

— Ладно, уточним у отца Кондрата, — пометил я. — Что думаете о краже в царской казне?

— А чего ж тут думать? Мы к тому непричастны. Казна, она большая, ежели кто чего слегка и прихватил, так ведь на то и колодец, чтобы пить.

— Ну, если понемногу, то, может быть, и действительно не так заметно. Но в этом случае подобные действия трактуются как «планомерное расхищение государственной собственности». Мы же имеем дело с конкретной кражей. Три сундука с золотом...

— Чего ж это — три?! — аж подпрыгнул Мышкин. — Откуда три-то взялось? Один сундучок всего и был! Неча напраслину на людей возводить...

— А вы откуда знаете, что украден именно один и что именно сундучок, а не ларец, не мешок, не бочонок? — ласково полюбоществовал я.

— Так ведь... это... все вон знают! Ты любого в городе спроси — он те сразу скажет. Земля-то она слухом полнится.

— Допустим... Ну а вот лично вы чем занимались весь вчерашний день?

— Дык... как же... упомнишь тут... — насутился боярин, запуская обе руки в бороду, словно лоя там кого-то. — Спал да ел, по хозяйству холопам дела распределял, во дворец после обеда захаживал, в баньку под вечер, ну и ужин с осетринкой, поросенок с кашей, пироги с ягодой, меду немного...

— Достаточно. А в подвалы, где казна хранится, заходили?

— Нет! Как можно! Не был я там!

— А почему, собственно, нет? Царь Горох утверждал, что вы относитесь к лицам, имеющим допуск в хранилище.

— Бываю там, верно, но редко бываю... Моя служба — стрельцов у входа ставить. Чтоб глядели в оба! А внутрь я не захожу. Что я там, денег не видел?

— Ясно. Значит, вы отвечаете за охрану объекта. Что ж... должен вас огорчить. Раз уж произошла кража, то, найдем мы вора или нет, в любом случае выговор за халатность вам обеспечен.

— Избавь от гнева царского, батюшка сыскной воевода! — неожиданно рухнул на колени перепуганный боярин. — Вовек твоей услуги не забуду. Неповинен, неповинен я! Не губи душу, отпусти на покаяние!

— Встаньте! Сейчас же встаньте, Афанасий Федорович! — вскочил я. — Люди войти могут, а вы тут на коленях ползаете. Что за манеры? Вы в милиции, а не в храме. Встаньте!

— Не губи... В доме семеро по лавкам, жена восьмым брюхатая! — продолжал изливаться Мышкин, не обращая никакого внимания на мои попытки его поднять.

Баба-яга бросила вязанье и поковыляла на помощь.

Боярин надрылся воясю:

— И здоровье не то уже... Почитай что ни день, то сердце ломит! Сынков-то два всего, остальные дочки. Им расти, а мне приданое готовить. А как засадит государь в острог, кто их, сиротиночек, замуж-то возьмет?! Не губи, воевода! Христом Богом молю!..

Как мы его в дверь вытолкали — ума не приложу... Японский городской! Если тут каждый будет устраивать подобную истерику, никаких нервов не хватит. А потом говорят, милиция не страдает гражданам... Ну вот посострадайте такому — он из вас веревки вить начнет, а воровать не перестанет. Я выглянул в окно. Боярин Мышкин, рыча, понараздавал оплеух дождавшимся слугам, с трудом взгромоздился на коня и с довольной рожей отправился домой. Толпа родственников, славя Бога и распевая песни, двинулась следом.

— Ну, что скажет наш детектор лжи?

— Врун он, батюшка, — твердо объявила Яга. — Да и трус в придачу. Ты бы проверил еще разок, чего он там наплел.

— Это я и сам мог сообразить. Есть в его болтовне пара несостыковочек... Я-то, признаться, думал, что ты, старая, мне сразу на вора укажешь.

— Так я тебе и указую — вор он! — подтвердила бабка. — Хоть мою голову на плаху клади, а таскал он золотишко из казны. Вот только он ли сундук уволок — о том не ведаю...

— Значит, будем проверять остальных. Казначей у нас за что отвечает?

— Как? А деньги принять, посчитать, разделить, кому в долг, кому на дело, какие налоги где, кто принес, сколько — все казне прибыток.

— Понял. Говоря проще — бухгалтер-экономист, — пометил я. — Ну, с распределением бюджета мы сейчас возиться не будем, это уже финансовой инспекции ближе. Мы его потрясем на предмет банальной кражи. Да, а дьяк-то наш, он что в хранилище делает?

— Пишет, — пояснила Яга, чуть удивляясь моей бестолковости. — Как же можно без дьяка-то? Боярин ли, казначей, а то и сам государь в казну зайти захочет, так дьяк с бумагой да чернилами тут и есть. Записать чего, оприходовать, опись составить, посчитать, жалованье царевым слугам выдавать, да мало ли... Вот Филимон там и трется.

— Уловил. Ну что ж, подруга дней моих суровых, давай следующего.

— Уже бегу, касатик. Сей же час поставлю перед очи твои ясные.

Хорошая у меня бабка, правда?

Тюра оказался человеком скрытным, размытым. На первый взгляд даже не разберешь, сколько ему лет. Кафтан простой, из хорошего сукна, но не новый. Сам лыс, бороденка куца. Руки мне его не понравились — беспокойные... Пальцы, как белесые черви, так и возятся, ни на минуту не прекращая движения. Когда он вошел и без приглашения сел напротив меня, я нарочито пристально стал рассматривать его лицо, но так и не смог поймать прямого взгляда мутных серых глаз.

— Имя, фамилия, отчество?

— Тюр... и батюшка мой Тюрей был, и дед, стало быть... Казначей я здешний, не помните? А я вот вас, Никита Иванович, не впервой вижу. Вы, видимо, при дворе-то гость нечастый.

— Допустим.

— Ну вот я и гляжу, чем же мне лицо ваше знакомо... Вы, случаем, деньги в казну на сохранение под проценты не сдавали?

— Очень интересно... — От неожиданности я даже перестал записывать. Этот тип откровенно пытался всучить мне взятку!

— Вот ведь что я говорил! — обрадовался мой собеседник, обтирая лысину засаленным рукавом. — Только вы тогда спешили очень и роспись в книге оставить запомнили. Ну да дело молодое, с кем не бывает... Сколь денег-то в том кошельке было?

— Не помню, — поднапрягся я, едва удерживаясь от жгучего желания кликнуть стрельцов. — Но уверен, что сдавал я не кошелек, а сундучок.

— Точно! Именно так, батюшка... Полнехонький сундучок серебра.

— Золота!

— Смилуйся, отец родной, — аж покраснел от моей наглости взяточник.

— И за три года шестьдесят процентов прибыли!

— Да побойся Бога, сыскной воевода! — подпрыгнув, взвыл казначей. — У нас в Лукошкине отродясь таких процентов не было. И служишь ты у царя не три года, а без малого два месяца. Откуль я тебе такие деньжищи-то возьму?!

— А ну сесть! И не орать на представителя власти! — рявкнул я, хлопая ладонью по столу.

Тюря вздрогнул и заткнулся.

— Все! Хватит провокационной болтовни. Отвечайте на поставленные вопросы коротко и по существу. Когда и от кого вы узнали о краже в хранилище?

— Дык... как не узнать?! Еще ночью стрельцы с постели подняли. Ну я как есть, в исподнем да босой, — бегом в царский терем, спустился в подвалы, а дверь-то и открыта. Уж я этих охранничков и по шеем, и в рыло, а они одно — знать ничего не знаем! Я заглянул, осмотрел, где что, глядь-поглядь, а сундучка дубового с тремястами червонцами-то и не видать. Как сквозь сырую землю провалился, проклятуший...

— Ваши действия?

— Какие действия?! А... что делал-то? Ну, знакомое дело, перво-наперво двери закрыл и стражам наказал смотреть в оба! Потом уж к батюшке царю пошел с повинной. А его ведь спозаранку и не разбудишь, разгневаться может государь... Пошлет спросонья на плаху, а уж потом, к обеду, одумается. Вот он когда встал, умылся, так я пред его ясные очи и доложил. И то рисковал, надо бы опосля чаю...

— Понял, записал. Кого подозреваете?

— Ты помяни мое слово, участковый, — без нечистой силы не обошлось! — заговорщицким шепотом поведал казначей.

— И что вы этим хотите сказать?

— Закрыл бы ты это дело... Гиблое оно. Раз уж тут нечистым духом пахнет, то человеку вовек не распутаться. Только людей зазря потревожишь да голову буйную под топор сунешь. А ежели на бесов свалить, то государь в обиде не будет, сам понимаешь...

— Понимаю, даже слишком хорошо понимаю... На сегодня вы свободны, гражданин.

— Могу идти?

**ЛЕТУЧИЙ
КОРАБЛЬ**

...Петушиный крик раздался как-то осторожно и приглушенно. Я уже полчаса сидел у подоконника в трусах и майке, держа под рукой два вязаных тапочка на манер австралийских бумерангов. И он, гад, знал, что я сижу в засаде... Поэтому на тын взлететь опасался, а из-за тына кукареканье не получалось таким уж душевно-забористым. Наконец он вытянул шею — ненавистная башка со свисающим набок гребешком показалась в поле моего зрения.

— Ку-ка-а-уп! — Тапка просвистела в миллиметре от распахнутого клюва.

Пернатый злодей вновь нырнул в укрытие, явно готовя повторную диверсию. Выбора нет — или я его выдрессирую, или он меня своими побудками доведет до членовредительства. За забором раздалось неуверенное кудахтанье и какая-то возня. Я выпрямился в полный рост, размахнулся от плеча и... Когда из-за тына поднялся доверчиво улыбающийся Митька с петухом в руках — метко брошенная тапка угодила ему прямо в лоб! Наглый петух мгновенно вырвался на свободу и, вспорхнув на забор, обложил своим кукареканьем нас обоих как хотел...

Утро началось несахарно...

— Никитушка, ты, что ли, встал уже, сокол ясный?

Это Яга, моя домохозяйка, одновременно и кухарка, и прачка, и уборщица, и штатный специалист,— эксперт по части криминалистики. Бабуля — бесценна, она старейший и уважаемый сотрудник нашего отделения, мы на нее Богу молимся. Снизу из-за забора вновь высунулся Митька, приветственно помахивая мне двумя подобранными тапками. Дмитрий Лобов, двухаршинный улыбчивый паренек, приставленный к отделению из соображений воспитательного плана. У себя в Подберезовке он оказался

абсолютно неприспособлен к размеренному крестьянскому труду по причине немереной силы, недалекого ума и неиссякаемого творческого энтузиазма. Лично я его раз десять увольнял... Яга заступалась, лоботряса брали обратно с очередным испытательным сроком, в конце концов он у нас так и прижился. Ну а я, младший лейтенант московской милиции Никита Ивашов, как вы понимаете, осуществляю в родном Лукошкине функции начальника отделения. Почему родном? Знаете, я здесь уже полгода и первое время только и думал, как вернуться обратно в свой мир. Не то чтобы здесь так уж плохо... Милицейская служба востребована во все времена, даже при царе Горохе, тем более что царь у нас деятельный и работать при нем интересно. Но домой все же тянуло страшно. Потом одно дело, второе, третье, кражи мелкие, профилактические операции, общественно-разъяснительная деятельность, как-то отвлекся... А уж когда ухнуло памятное дело о перстне с хризопразом — тогда и стало ясно, где моя настоящая родина. Не в далекой, затерянной в будущем коммерческой Москве конца двадцатого столетия, а в небольшом городке Лукошкино, в древней полусказочной Руси, где простому народу без защиты родной милиции ну никак...

— Доброе утро, бабушка! — К завтраку я обычно спускался вниз в горницу при полном параде, только что без фуражки и кителя. В праздничных кафтанах того времени я и чувствовал себя неуютно и выглядел как Иван — кулацкий сын.

— Доброе утро, Никитушка,— приветливо улыбнулась Яга. Выпирающие желтые клыки делали ее оскал особенно запоминающимся. — А я уж сама наверх идти хотела, тебя будить. Давай-ка к столу, пока кашка гречневая на молоке да меде остыть не успела.

— Уже сел, а вы что ж?

— Да я-то старуха, я запахами из печи сыта бываю... А ты садись — кушай, моего слова слушай. Буду говорить речи важные, неказенные, небумажные. Только ты ешь-наедайся, а моего совета не чурайся...

— Бабуля, да вы ж тут прямо стихами и чешете! — искренне удивился я. — У нас что, сегодня утренник народного фольклора?

— Не сбивай, Никита! О серьезном деле с тобой говорю, потому и слова такие. Не всякому зверю берлога — кому и нора, не всякой птице болото — кому и гора. Так и не всякому молодцу — холостяцтво к лицу.

— Ум... н... упе! — Я едва не поперхнулся горячей кашей. — Бабуля, предупредить же надо!

— А поделом тебе, ешь да не оговаривайся! — невозмутимо продолжала Яга, уставясь на меня самым строгим взглядом. — Сказано ведь, ровно голубю — без голубицы, добру коню — без кобылицы, так и храброму молодцу без души-девицы не житье — срам один!

— Между прочим, в законодательстве некоторых стран подобные провокационные разговоры могут классифицироваться как давление на сотрудника правоохранительных органов.

— Никитушка, милый, да не давлю я на тебя, не давлю! А только люди говорят всякое... Дескать, что-то, видать, не так у нашего участкового — в церковь не ходит, на красных девок не заглядывается, с дружками не бражничает, по праздникам забавами молодецкими не тешится.

— Знаю я их забавы — кулачные бои стенка на стенку да за сапогами на столб лазить! Бабуль, ну вы представляете, чтоб работник милиции ради забавы молодецкой по воскресеньям народу носы квасил?! И в церковь я хожу! Два раза ходил уже... Беседовал с отцом Кондратом по поводу пьянок в его церковном хоре. А насчет бражничанья... так нас Горох на той неделе, помните, как накачал? Я ж верхом на Митьке до отделения добирался, благо, он как поддаст — милицейскую сирену очень уж старательно изображает. Чем я им еще не угодил?

— Про девок красных забыл...

— Это сестры Малаховы с соседней улицы? Эти — красные, слов нет! Каждый вечер фланируют строем под окнами отделения, семечки плюют на метр против ветра, а у самих лица такие кра-а-асные...

— Так то румянец девичий, от смущения, — доходчиво пояснила Яга, но я был непреклонен:

— Бабуля, давайте прекратим прения и дружно перейдем к чаю. Вопросом повального поиска Василис Прекрасных торжественно обещаю заняться после Нового года!

— Дак ить осень на носу, самое бы время свадебку... — тихо вздыхала моя домохозяйка, но взялась за самовар. К концу третьей чашки в дверь деликатно бухнули пудовым кулаком.

— Батюшка сыскной воевода, гонцы к вам царевы с делом спешным! — деловым тоном профессионального секретаря проорал из сеней верный Митька.

— Зови. — Важно кивнув Бабе-яге, я встал с лавки поприветствовать двух стрельцов и молоденького дьяка из думского приказа. Парнишке едва ли исполнилось восемнадцать, но он изо всех сил старался выглядеть посолиднее.

— Поклон тебе, сыскной воевода!

— И вам здарсьте. Что там у государя за проблемы?

— Дело у царя к тебе спешное да неотложное...

— Ага, у нас все дела спешные... — Идти куда-либо сразу после плотного завтрака представлялось сущим самоистязанием. — Государь небось опять очередной милашке золотые серьги подарил, а какой — не помнит, просит отыскать, да?

Стрельцы ухмыльнулись в усы, а юный дьяк так покраснел, что я, сжалившись, выдвинул более пристойную версию:

— Любимого коня цыгане свистнули? Бояре в думе из-за бюджета передрались? Ключница пропала, к подвалам не подойдешь, а у государя меда сорокаградусного для излечения не хватило? Тоже нет?! Господи, да что же там у вас?.. Неужели дьяк Филимон свои мемуары за границей большим тиражом выпустил, гад?!

— Не... не это... — сбивчиво залепетал несчастный. — Царь-батюшка наш прибыть во дворец просит немедля. Дело у него тайное, военное... И спешное-э-э...

— А милиция-то здесь при чем?

— Никитушка,— тихо вмешалась Яга,— уж ты не мучай мальчонку, сделай милость — сходи. Ты ж Гороха знаешь: сей же час не придешь — он посыльных под кнут отправит. В отделении на утро вроде и дел-то нет, а ежели что, я уж тут присмотрю. Сходи, уважь старуху, не пожалей сапог. А хошь, я Митьке крикну, чтоб кобылу запрягал?

Я пожал плечами: в конце концов, почему бы и нет? К царю идти в любом случае придется. После разгрома Черной Мессы Горох оценил мои дипломатические способности и теперь частенько советовался по разным вопросам государственной политики. Не знаю уж, чего у него там «спешного-военного», но прокатиться в телеге по ветерку в принципе не так уж проблемно.

— Ладно, ребята. Возвращайтесь к начальству с чувством выполненного долга. Я буду следом, минут через пятнадцать. Оркестр к подъезду можете не подавать.

Кто бы знал, к каким серьезным последствиям приведет меня это дело... А начиналось все, как видите, буднично...

Конец августа. Еще очень тепло, и воздух напоен ароматами Яблочного Спаса. Крестьяне свозят в столицу урожай, уродились богатые хлеба, жизнь кажется щедрой и сытой, а думать о росте преступности нет ни малейшего желания. Хотя и надо бы... По некоторым сведениям, в Лукошкине сейчас участились случаи мошенничества и тайного грабежа. Ходят слухи о карточных при-

тонах, и неоднократно в отделение захаживали смущенные мужики с просьбой вернуть пропавшие деньги. Пили, дескать, грешным делом, да не вспомнят, где и с кем. В себя приходили на каком-нибудь пустыре, в бурьяне, естественно, без гроша. А некоторые так вообще в одних подштанниках... Ругаешь их, дураков, но и воров тоже ловить надо. Не нравится мне эта мафия шоу-бизнеса местного разлива, пора браться за них всерьез...

Митька, сидя на передке, что-то бубнил себе под нос. То ли ругался, то ли азбуку по-филимоновски повторял, что, впрочем, почти одно и то же... Сам был с утра необыкновенно задумчив и молчалив, наверняка разрабатывал в голове план очередной облавы на тетку Матрену. У каждого из нас есть свой пунктик. У Митьки это вечная борьба за качество и количество кислой капусты. Он ее ведрами может есть, без перерыва, с таким номером в пору в цирке выступать, куда слабонервных не пускают. А насчет частушечных намеков Бабы-яги... я же всерьез и не спорю. Жениться человеку, разумеется, надо, и у меня даже были определенные подвижки по этому поводу. Ну, приглянулась слегка одна фройляйн с немецкого подворья. Я там поинтересовался деликатно у посла — фигу, девица еще в пятилетнем возрасте помолвлена с сыном кайзеровского портного. Что-либо менять поздно, у них, у католиков, с этим делом строго, да и сама девушка, оказывается, по-русски — ни бельмеса. Почти как я в немецком... Вот такие дела. Ладно, женитьба — не волк, поймаешь — не укусит. В Лукошкине тоже красавицы одна к одной. Ну, хоть вон вроде той смуглой девчонки у кожевенной лавки. Я невольно повернул голову и засмотрелся... Девушка действительно выгодно отличалась от статных городских барышень. Явно деревенская, и по костюму видно, и держится не очень уверенно. Коса черная как смоль, а кожа загорелая, словно после солярия. Глаза большущие, то ли карие, то ли темно-синие, отсюда не видать. Роста выше среднего и сложена так, что даже под мешковатым сафаном фигурка чувствуется... Словно бы заметив мой взгляд, девушка обернулась, зыркнула на меня своими выразительными глазницами и скрылась в лавке. Ну вот... сами видите, невест полно, не пропаду я здесь, не переживайте.

На аудиенцию к Гороху я пошел один. Митька рвался вслед, ему тоже любопытно, но пришлось остаться при телеге внизу. Дьяк Филимон словно ждал меня в засаде, набросившись с приветствием еще с первого этажа:

— А и доброго здоровьичка, Никита Иванович! И вам, и бабуленьке Яге, и Митеньке вашему, и всей честной милиции! Дав-

ненько к нам не захаживали... Я и беспокоиться начал, уж не заболел ли, часом, наш сыскной воевода? Даже свечку хотел в храме поставить...

— За упокой?

— Во здравие! Зачем же так страшно шутишь, участковый... — широко разулыбался скандальный дьяк. Когда у него во все лицо такая похабная ухмылочка — жди беды! Не мое наблюдение — народная примета. — А я вот грамотку подготовил тебе, уж рассмотрю по прибытии.

— Очередной донос? — В последнее время дьяк всерьез вообразил себя единственным борцом за справедливость и закладывал всех подряд.

— Донос и есть! А как же без доносу? Ты ведь, участковый, не взыщи, но не семи пядей во лбу! Глаз на затылке не имеешь, руки всего две, штат махонький и без еремеевской сотни вообще — тьфу! — не стоишь ничего. Где ж тебе за всеми злоумышленниками уследить?! Вот на то мы и предназначены — бдить да докладывать! Ты рожу-то не криви, загляни в грамотку, там много чего интересного понаписано...

— Побьют ведь вас как-нибудь, Филимон Митрофанович...

— А и побьют, дак за правду и живота не жалко! — патетично объявил дьяк, ожидая похвалы, но мы уже пришли. Стрелецкий караул пропустил меня в царские палаты, а гражданину Груздеву дали от ворот поворот. Доброхотный фискал-энтузиаст попытался что-то напутственно добавить вслед, но не решился. Сволочной человечиска, цены б ему не было в тридцать седьмом...

Горох ждал меня в маленькой комнатке за тронным залом. Обычно этот кабинет предназначался для его переменных пассий, но сейчас на низеньком узорчатом столике лежали... чертежи! Ей-богу, настоящие, добротные чертежи, не слишком соответствующие ГОСТу, но тем не менее вполне рабочие.

— Заходи, Никита Иванович. Рад видеть тебя живым-здоровым.

— И вам мое почтение, надежа-государь. Чем это вы тут развлекаетесь? Решили со скуки научно-техническую революцию устроить?

— Вот я те устрою! — шутливо буркнул Горох и ткнул пальцами в пересечение черных линий. — Ты ведь, участковый, у нас мужик образованный, вот глянь своим оперативным оком — дельная вещь али нет?

Я с некоторым снисхождением пустился перебирать желтоватые листы бумаги и... ахнул! Это были чертежи летательного ап-

парата! Наверное, удивление было так ясно написано на моем лице, что царь довольно расхохотался:

— Что, укузьмили сиза селезня за мягкое гузнышко?! Ты уж, Никита Иванович, совсем нас за людей темных держишь. Ан вон какую штуковину мои мастера вятером удумали — летучий корабль! Чтоб, значит, по поднебесью аки птаха божия парить! Смотри сюда, вот корпус ладейный, вот крылья, парус опять же, оперение хвостовое, чтоб рулить сподручней было...

— Ни за что не полетит,— справившись с собой, авторитетно заявил я.

— Да почему же не полетит?

— По закону гравитации. Тут мотор мощный нужен, дизельное топливо, специальные приборы, совершенно другая конструкция и еще...

— Цыц! Я — царь, дай и мне слово вставить. Теперича вот сюда полюбуйся.

Государь достал из-под стола миниатюрную модель того же самого летающего фрегата и, показав мне, нажал на какой-то шпенек. Махонькие крылышки вздрогнули, затрепетали, рулевое перо выгнулось дугой, крылья замелькали с невероятной скоростью, и вдруг крохотное суденышко поднялось в воздух, сделало плавный круг над нашими головами и село точно на то же место, откуда только что взлетело! Если бы я не видел этого собственными глазами, то... Горох победно усмехнулся в усы, достал из шкафчика глиняную бутылочку и два стаканчика.

— Отметим такое дело?

— За рождение первой лукошкинской авиалинии! — прокашлялся я, крыть было нечем.

Сколько ни пытаюсь привыкнуть к чудесам, все равно есть вещи за порогом моего прагматического разума. Мы проболтали не меньше часа, царю хотелось знать все о воздушном флоте, и я охотно рассказывал, что помнил, о дельтапланах, планерах, дирижаблях, «кукурузниках», пассажирских лайнерах, истребителях и бомбардировщиках. Горох слушал очень внимательно, хотя, по его же признанию, намеревался использовать проект скорее в торговых, чем в военных целях. Однако не учитывать данный фактор было бы глупо — на летающем корабле вполне можно разместить десяток стрелков, дюжину отчаянных рубак, бочонки с зажигательной смесью и даже пушки. На прощанье я посоветовал сунуть чертежи под хороший замок и к мастерам приставить охрану.

— Правильно,— кивнул государь,— другого совета от тебя и не ждал. Беру это дело под свою личную опеку. Все бумаги в сундук, сундук на замок и в место тайное, а ключ я вон на шее рядом с крестом православным ношу.

На том и расстались... Представьте себе мое удивление, когда через два дня Горох собственной персоной, весь в поту и мыле, ввалился к нам в отделение. Чертежи летучего корабля похитили! Царь скор на расправу и в этом деле почему-то быстро вывел виноватого — меня...

— Никитка, ограбили меня! Из самого терема царского, из ларца потаенного, из места скрытного чертежи секретные ровно дым по ветру развеялись! — бушевал государь, топая ногами. В сенях толпились ближние бояре, у печки тихо прижупилась Баба-яга, храбрый Митяй залег под лавку, казалось, от грозового монаршего гнева попрятались даже тараканы. — Да что ж ты тут сидишь, дурилка милицейская?! Али не царь-государь перед тобой голос повышать изволит? За что я тебе, казны растратчику, жалованье плачу?!

— За поиск и поимку, но никак не за отсутствие краж вообще. Кражи, как таковые, были и будут, но если бы прислушивались к моим советам, то всерьез могли бы снизить их количество. И вообще, прекратите орать, гражданин! — Я привстал из-за стола и шагнул к обомлевшему Гороху. — Митя, подай государю табуреточку, бабушка, будьте добры, чего-нибудь успокоительного, и Еремеева ко мне.

Пока наш младший сотрудник на пару с главным экспертом приводили в чувство пришибленного царя, я высунулся в окно, предупредив начальника стрелецкой сотни о срочном перекрытии всех выходов из города. Фома Еремеев — мужик деятельный, не первый день на милицейской службе и лишних вопросов не задает. Если похитители еще не покинули Лукошкина, то через полчаса отсюда и мышь не выбежит.

— А теперь поговорим спокойно: что украли, где, кто обнаружил, кто имел доступ к ключам, кого подозреваете? Говорите не торопясь, я записываю.

— Твоя взяла, участковый... — Горох хряпнул особую настойку валерианы на меду и снизил тон. — Ну как ты себя ведешь? Ведь ровным счетом никакого уважения к сословию... Обращаешься, словно я тут горожанин обыкновенный, а я ить — царь! Как найдешь чертежи, запузырю тебя на каторгу.

— Вот спасибо,— поморщился я. — Служба есть служба, так что давайте без личных обид. Повторяю вопрос: что пропало?

— Чертежи...

— Конкретнее: какие, сколько, формат бумаги, примерный объем и вес?

— Летучего корабля, десять листов, квадраты по полусажени, в рулон свернуты, один человек легко унесет.

— Ну вот... совсем другое дело,— похвалил я. — Продолжим. Где они лежали?

— Да в сундучке же, а место говорить не буду, придешь ко мне в терем — там покажу.

— Кто обнаружил кражу?

— Я и обнаружил. Ткнулся сегодня поутру, а в сундучке-то и пусто.

— Знакомая ситуация... Вроде как в деле о перстне с хризопразом. Может, опять шамаханы шалят?

— Наверяд ли... Перстень, вот он, при себе ношу, покуда оборотней проклятых не указывал.

— Ладно, перейдем к более важному... Кого подозреваете?

— Дык... никого... вроде,— призадумался царь. — Народу в тереме случайного нет, чужаки по палатам не шастают, послов да гостей тоже вроде не было...

— Давайте поставим вопрос иначе: кому это выгодно?

Вот тут Горох крепко почесал в затылке... Как я уже упоминал, человек он прогрессивный и далеко не глупый, сложить два и два сумеет без посторонней помощи и по пустякам паниковать не станет.

— Знашь, Никита Иванович, а ведь сразу, с маху не ответишь тебе... Ну, прикидываю и так и эдак — да не выгодно никому! Корабль-то этот — штука мудрая, техническая, не всякому злодею по разумению будет. Шамаханцы, те более всего на чародейство черное надеются. Немцы, наоборот, наш ум своему равным не считают, для них наша техника — ровно забавка детская... Кто же еще?

— Японцы... — раздумчиво предположил я. — Они со всего мира передовые технологии тащут. Радиоэлектроника, компьютерная техника, роботроника у них на уровне самых высоких стандартов.

— Японцы, говоришь? — насупился Горох. — Слышать слышал, а вот видеть не доводилось, нет их у нас в Лукошкине.

— Жаль...

— А точно они чертежи свистнули?

— Нет, нет... это я так, к слову. Ну что же, гражданин, ваше заявление принято, с сегодняшнего дня начинаем работать по этому делу.

— А я?

— А вы, как говорится, идите домой да спать ложитесь — утро вечера мудренее. — Я пожал царю руку, недвусмысленно указывая на дверь.

— Эй-эй, участковый... так не пойдет! — заволновался государь. — Ты это... того... ты меня от дела не отстраняй, я тоже в раскрытии поучаствовать желаю!

— Но, гражданин...

— Велю голову отрубить! — клятвенно пообещал Горох, глядя на меня самым умоляющим взглядом.

— Ладно, давайте как всегда. Рутинную работу мы берем на себя, а как понадобится брать преступника — я вас вызову.

— Вот спасибо, Никита Иванович! Вот уж уважил царя-батюшку! Вовек твоей доброты не забуду... — Уже в дверях Горох обернулся и напомнил: — Чтоб к вечеру был у меня с докладом о ходе дела!

— Всенепременно.

Когда царский эскорт с помпой укатил по улице, я отошел от окна и попросил у Яги чаю. Бабуля молча поставила самовар и не дыша присела за стол напротив. Я раскрыл блокнот, тупо разглядывая давние записи...

— Организованной преступности у нас в Лукошкине нет. Список наиболее известных воров примерно установлен. Если исключить карманников и конокрадов, то на подобное дело могли решиться человек десять. Бабушка, вы не слушаете!

— Че? Ой, не кричи так, Никитушка,— встряхнулась Баба-яга,— у меня аж сердце чуть не выскочило.

— Я говорю, что вы меня не слушаете. Вы же все время были здесь, почему молчите? Какое ваше мнение по поводу этой кражи?

— Ох, мила-а-ай... — Моя домохозяйка схватилась руками за голову, вытаращив глаза и покачиваясь из стороны в сторону. — Вгонись ты меня в гроб на сто лет раньше времени... Кто ж тебя, аспида, учил так с царем разговаривать?! Ты ж на самого государя в голос орешь да кулаком по столу барабанишь... Совсем ума нет, что ли?

— Да будет вам... — даже смутился я. — Мы и не скандалили особенно... так, по делу.

— Дите! Чистое дите, не понимает, с кем говорит... А вот осерчает государь да как загонит все наше отделение к черту на кулички с глаз своих ясных, тогда попомнишь слова мои, грубиян ты невежественный! Да рази ж так надо посетителей принимать?

Сюда люди идут с бедой, с горем, судьбой али лихими людьми обиженные, мы им помочь обязаны, а тут сам царь...

— Царь — тоже гражданин,— слабо огрызнулся я.

— Вот и то, что гражданин, а ты ему грубости в нос тычешь. Нехорошо, Никитушка... Ты ить при исполнении.

В общем, пришлось извиняться перед своим же сотрудником. После примиряющего чая было принято решение: в отделении не торчать, а до обеда прогуляться в царский терем. Стоило обследовать место преступления на предмет применения магии. Здесь это было делом самым обыкновенным... Баба-яга — незаменимый спец в таких исследованиях, на ее авторитет можно полагаться полностью. Двое еремеевских стрельцов оставались на охране у ворот, Митьки почему-то не было видно. Странно... Обычно он, при всей своей деятельности, без приказа — со двора ни ногой. Пожав плечами, мы с Ягой отправились к Гороху пешочком. Уже на соседней улице было отмечено массовое скопление народу. Лукошкинцы — люди социально активные, им хлеба не надо — зрелища подавай, а на Малой Базарной, похоже, именно такое зрелище и шло. Видимо, мы с Ягой подумали об одном и том же, поэтому молча, не сговариваясь, направились в ту же сторону. Уже на подходе было видно, какая пестрая толпа народу там собралась. Слышались смех, визг и громкие крики:

— Гляди, православные, как милиция честным людям руки за ноги крутит!

— Какие ж они люди, когда они — цыгане?! И не милиция это, а Митька беспутный!

— Ой, ромалы-ы! Ой, убил! Совсем убил! Всю руку изломал, да где ж на свете белом справедливость?!

— А ты не суйся, не суйся... Митя наш — человек православный! Раз убивает, значит, есть за что. Ему небось сам участковый разрешил!

— Да, ох и крут порой наш сыскной воевода... По прошлом месяце-то едва ли не все армянское подворье извел! Так же вот Митьку свово, аки пса лютого, науськал... Те, кто выжил, по сей день от укусов чешутся!

— Ай, ромалы-ы! Совсем до смерти убил! Всю убил! Одна за всех муки принимаю! Одна, чавела, насквозь убитая лежу-у-у!

Когда мы пробрались в середину, бедного Митьки уже не было видно. Не знаю уж, чего он там натворил, но здорового парня со всех сторон так облепили беспрестанно вопящие цыганки, что он казался ярко наряженной новогодней елкой. Крикливые юбки резко контрастировали с коричневыми от крика лицами.

Ругались одновременно все, причудливо мешая русский мат с диковинными проклятиями на неизвестных языках. Я протолкался к четверым дежурным стрельцам и приказал без разбирательств доставить всех в отделение. Молодцы надвинули шапки и взялись за непростое дело. А я обратился к народу:

— Граждане! Концерт окончен. Попрошу расходиться по домам. Не сомневайтесь, милиция во всем разберется и виновные будут наказаны! Желающих досмотреть представление до конца жду вечером у ворот отделения. Спасибо за внимание, на сегодня — все!

Как оказалось впоследствии, обещать такое нашему народу чревато... Ну, по крайней мере, неблагоприятно...

В царском тереме нас приняли настороженно. Видно, в запале Горох, как всегда, пообещал снести головы всем подряд. На самом деле он больше грозитя, но все ему почему-то верят... Вот и сейчас: охранные стрельцы страшно хмурили брови, пытаясь выглядеть еще суровее, бледные бояре испуганно крестили окладистые бороды, суматошные дьяки носились взад-вперед с приказами, а прислуга и прочая челядь вообще старательно пряталась по углам. Весь терем жил в предвкушении извержения вулкана, и мы шли по лестнице наверх, сопровождаемые самыми сочувственными взглядами. У дверей в государевы покои нас встретил столбовой боярин Кашкин, я хорошо его знал, в деле о перстне с хризопразом он руководил разоружением шамаханского каравана.

— Здрав буди, сыскной воевода!

— И вам мое почтение... Что у дверей толчетесь, ждете кого?

— Тебя и жду. Одного только... — Боярин многозначительно поглядел на Бабу-ягу, та поджала губки и по-утиному засемила к дальнему окошку. — Пусть уж там подождет, не след ее седую голову под топор ставить. А ты иди, государь о тебе уже два раза спрашивал. Гневается...

— А... Ну тогда я пошел.

— Погодь... дай хоть обниму тебя на прощанье, хороший ты был человек, Никита Иванович! — Седобородый Кашкин смахнул выступившую слезу, по-отечески троекратно облобызав меня в обе щеки.

Царские стрельцы у входа сняли шапки и молча перекрестились. Да, обстановка тут и впрямь как на минном поле... Я снял фуражку, пригладил вихры и, отважно распахнув двери, шагнул внутрь. Это было похоже на отчаянный шаг дрессировщика в клетку изголодавшегося льва...

На небольшой кушеточке царь-государь в штанах и рубахе на выпуск всю обнимался с неизвестной мне особой женского пола. Завидев меня в форме и при исполнении, молодуха взвизгнула и, вырвавшись, с хохотом скрылась в смежном помещении. Судя по всему, там находилась спальня...

— Вежливые люди стучат, прежде чем войти,— попытался пристыдить меня красный от смущения Горох. Я возвел глаза к узорному потолку и философски присвистнул. — Ладно, проходи, садись, коли пришел. Могу рюмочку налить, вон полпряника на закуску осталось... Не хочешь?

— Нет.

— Ну и леший с тобой! Ему сам царь предлагает, а он рыло воротит. Доклад давай.

— Не торопите следствие,— наставительно поправил я. — Докладывать буду по мере продвижения дела, а у нас в нем пока сплошные дыры. Еремеева я предупредил, его молодцы прочесывают весь город и никого не выпускают за ворота. Но, скорее всего, вор залег на дно...

— Утоп, что ли, сердешный?

— Нет, это такое фигуральное выражение. Значит, хорошо спрятался и никак себя не проявляет. Так что нам придется проверить все известные «малины» и «хазы». Возможно, кто-нибудь из криминальной среды даст наводку. Такое преступление без соучастников бы не обошлось, а следовательно, информация где-нибудь да проявится.

— Дельно,— кивнул Горох.

— Но это лишь в том случае, если чертежи действительно куда-то запропали.

— Как это? Да ты на что ж это намекаешь-то, змий трехголовый?!

— На змия и намекаю! — Я откровенно кивнул в сторону объемистого шкафчика, где Горох хранил свои «лечебные» настойки. — Чтобы начинать расследование уголовного дела, следователь должен лично убедиться в самом факте совершения преступления. А если вы тайное место перепутали? А если в сундук положить забыли? А если эти чертежи у вас вообще третий день под кроватью пылятся?

— Стража-а! — царь разобиженно взревел. — Сию же минуту казнить злодея за надсмехательство над государем!

Встревоженные стрельцы сунулись было в двери, но Горох вовремя передумал:

— Вон, охальники! Шас я ему, Фоме неверующему, нос-то утру, а уж потом и на плаху. Вон! Кому сказал?! Сам попозже позову... Никита?

— Да...

— Ну че ты меня во гнев вгоняешь? Я же самодержец, мне по должности самодурствовать полагается. А ты искушаешь меня почем зря... Грех тебе!

— Виноват, исправлюсь. — Я встал со скамьи и потянулся. — Давайте не будем тратить времени, покажите-ка мне ваш сейф.

— Чего?!

— Сундук, — терпеливо поправился я.

Горох кивнул, отвел меня в красный угол, где под иконой Георгия Победоносца ярко горела праздничная лампадка, и попал босой пяткой на выступающий из половицы гвоздь. В полу беззвучно открылся люк, под моим наблюдением царь извлек оттуда средних размеров серебряный сундучок византийской работы и, нашарив под рубашкой ключ, в два поворота открыл замок. Внутри хранились секретные документы, договоры, грамоты, дипломатическая переписка и еще какие-то бумаги... Искомых чертежей на первый взгляд не было. В качестве демонстрации надежда государь вывалил все содержимое на пол:

— Вот, сам гляди! Хоть все бумажки перерой, а таки нужных там нет.

— Проверим, — для порядку наклонился я, хотя профессиональное чутье подсказывало, что чертежей там действительно нет. Однако первым же документом, попавшимся мне на глаза, оказался... секретный план внутреннего устройства лукошкинских оборонительных башен! Договор с поляками о сдерживании германских амбиций, договор с немцами о строительстве крепостей против турок, договор с турками о неприменении вольнонаемных казачьих войск и, наконец, договор с теми же казаками о строгом ограничении appetитов Речи Посполитой в приднепровских ничейных территориях. Как вы понимаете, это далеко не все. Не вдаваясь в дебри политики и личных писем, я тем не менее сделал важную пометочку в блокноте.

В этот момент в соседней комнате скрипнула кровать, Горох поймал мой вопросительный взгляд и нехотя буркнул:

— Ксюха это... девка дворовая, дочка дворника нашего. То ли третья, то ли пятая, он и сам не упомнит. Помогает тут в тереме, где со стола прибрать, где пол помыть, где мусор вынести...

— Ну и?

— Чего?

— Продолжайте, продолжайте, вы же прекрасно понимаете, что я имею в виду!

— Я понимаю? Ничего я не понимаю! — снова раскраснелся государь. — Ты, участковый, во все щели нос не суй, не ровен час, каблуком отдавят... Иди вон воров ловить, а моя личная жизнь тебе без надобности!

— Совершенно верно,— серьезно согласился я,— мои дела уголовные, так что полицию нравов изображать не буду. Но вот девица эта, Ксения...

— Ой, да будто я у ней всю фамилию выпытывал!

— Ладно, сам уточню у дворника... Так вот, она никогда не спрашивала вас о чертежах летучего корабля?

— Тьфу! Да типун тебе на язык, сыскной воевода! — Горох отобрал у меня сундук и начал лихорадочно запихивать туда высыпаемые бумаги. — Ну нечто у меня совсем головы нет — бабе секретные документы под одеялом раскладывать! Ты все ж таки думай, что говоришь...

Уложив сундучок на место и возвратив полам первоизданную целостность, государь суховаато попрощался со мной, проводив до двери:

— Прощевай, сыскной воевода. Доклады жду каждый день, не исполнишь дела — сам понимаешь... Не наказать не смогу. Хоть и прежние заслуги помню, а тока я — царь, мне иначе нельзя! Либо чертежи на стол, либо валить тебе лес на каторге, выбирай...

— Мы постараемся... — ровно пообещал я.

Горох встал перед дверью, прислушался и поманил меня пальцем:

— Сейчас я орать начну, ногами топать, а как знак дам, так ты отсель без оглядки беги. Мне еще до вечера надо... ну, погневаться... чтоб не беспокоили.

Я кивнул, в принципе все возможное он мне показал, пара версий на уме есть, попробуем их разрабатывать. Вот только на предмет магии мы не...

— Убью! Запорю!! Обезглавлю!!! Где тут сабля моя острая? Где копье долгомерное? Своими руками на куски изрублю и курам выброшу! И не моли меня о пощаде... Все! Все, участковый, пришла твоя смерть безвременна-а-я!!!

Я напряжился ноги и приготовился к низкому старту, Горох уже поднял руку вверх, и тут...

— Никитушка! Держись, милай, иду-у-у! — Двери вынесло вместе с бедными стрельцами. Грозная, как цунами, Баба-яга бодро шагнула в царские покои мне на выручку! Прыгнув вперед,

я закрыл спиной обомлевшего государя... Глаза Яги отсвечивали красным.

— Бабуля, бабуля, все в порядке! Никаких проблем, мы мирно побеседовали.

— Да неужто? — недоверчиво сощурилась моя хозяйка. — Ты не врешь ли мне, Никита? Я ить сама, своими ушами слышала, как тебя здесь смерти лютой предают...

— Э... шутка! — выдавил царь Горох, осторожно высовываясь из-за моей спины. — Чтой-то вы, бабушка, сегодня шуток не понимаете?

Переглянувшись, мы все облегченно выдохнули.

— Раз уж такое дело, давайте поставим дверь на место и все-таки просканируем сундучок на предмет использования магии. Возражений нет? Прошу эксперта пройти вот в этот угол... приступайте.

Домой было решено прогуляться пешочком. Горох предлагал карету и эскорт, но мы отказались. Кое-какие вопросы следовало обсудить на свежем воздухе, без лишних свидетелей, поэтому пошли мы не напрямик, а обходной дорожкой, вдоль речушки со странным названием Пучай. Я выкладывал свое мнение первым:

— Факт исчезновения чертежей приходится признать. Не уверен, что там имела место именно кража, царь все-таки мог их куда-нибудь засунуть и забыть, но пока давайте разработаем версию предполагаемой кражи. Итак, основной вопрос во всех подобных случаях: зачем?

— Да мало ли... — вздохнула Яга. — Может, какому жулью в небе полетать захотелось?

— Обычный вор найдет, что взять из царского терема и кроме чертежей. Не доросли у вас тут еще, чтобы ценную техническую информацию воровать. Тогда встает вопрос о возможном заказе...

— Так ведь, Никитушка, царь же говорил вроде, что не выгодно это никому.

— Это по его мнению — невыгодно, а кое-кто считает иначе. И кое-кому эти чертежи нужны просто до зарезу. Я мельком поглядел, что лежит в гороховском тайнике, там та-а-кие секретные документы... Да разведки всех соседних держав заплатили бы сумасшедшие деньги за возможность их перефотографировать! Но ничего из этого не пропало... Вора, если он, конечно, есть, интересовали исключительно чертежи летучего корабля. А что показала экспертиза?

— Обнюхала я все, что могла... — по-простому объяснила бабка. — Колдовства черного не было. Видать, так, по-простому взяли. Замок без всяких заклинаний, ключом открыли, но кража все ж таки была! Запах от сундучка шел... женский.

— А, ну это не доказательство. Там, как в доме свиданий, все этими ароматами пропахло.

— Не то, Никитушка,— досадливо поморщилась Яга. — Уж чем там царь-государь занимается — его забота, и не нам о том судить. Но запах был... чужой какой-то, не наш, не лукошкинский.

— Хм... отрабатывать версии о всех девицах Гороха будет очень непросто,— призадумался я.

— Так всех и не надо, нам тока бы за последние две неделечки порасспросить.

— Хорошо, бросим на это дело Митьку, его девки любят, он у них за семечками все и разведает.

— А мы с тобой чем руки займем?

— А мы попробуем выяснить, какие из иностранных посольств в стенах столицы ведут сейчас самую активную деятельность и не связаны ли они каким-то образом с представителями местного криминального мира...

— Думаешь среди послов заморских заказчика тайного отыскать?

— По крайней мере, стоит попробовать. Что мы теряем?

Баба-яга согласно кивнула. Терять нам пока действительно нечего. Это в прошлый раз нам даже опомниться не дали, устраивая одно покушение за другим. А сейчас мы мирно гуляли вдоль реки, наслаждаясь последними теплыми денечками. Дело о краже чертежей начиналось как-то лениво и буднично, казалось, что и само расследование соответственно будет спокойным и неторопливым, без особенных эксцессов... Ну все почти так и было, почти...

Крики, песни, смех и музыку мы слышали задолго до того, как свернули к отделению. У наших ворот толпилась куча народу, многие висели на заборе, и все шумно обсуждали все, что происходило внутри. А там, судя по всему, стоял дым коромыслом!

— Че вытворяют, че вытворяют-то, а?! Вот гульба так гульба-а... Отродясь такой срамоты не видели!

— Бабоньки, а моего там не видать? Как ушел с утра за поллитрой в честь крестин, так до сих пор и нет кровопийцы...

— Ох и лихо цыгане пляшут! Бедовый народ! А бабы ихние как юбками трясут, ажно все поджилочки ходуном ходют... А вон, вон одна плечи заголяет!

**ОТСТРЕЛ
НЕБЕС**

...Зима в Лукошкине. Митька, в белом тулупчике и валенках, с деревянной лопатой наперевес стоит на защите наших ворот. Стрельцы Еремеева выстроились полукругом за моей спиной, все молчат, лица напряженные, глаза горят, и только белые клубы пара оседают дрожащими капельками на русых бородах. Я медленно, с расстановкой касаюсь проверенной клюкой нечищеного кругляка из березового полена...

— Готов?

— Как есть готов, батюшка сыскной воевода! — подтвердил Митя, пошире расставляя ноги.

Я картинно размахнулся и ударил с разворота.

— Угол! Угол держи! — сорвался кто-то из стрельцов.

Поздно... Березовая шайба, серой снежинкой свистнув в воздухе, угодила нашему младшему сотруднику прямо в лоб. Тот только чихнул, а бедный кругляш от столкновения с еще более твердой поверхностью разлетелся на две половинки.

— Никитушка! — На пороге нашего терема показалась Яга, плотно укутанная в серый пушистый платок. — Ну скока можно на морозе палками махать?! Не ровен час, простудишься, сердешный...

— Все нормально, бабуль! — нетерпеливо отмахнулся я. — Уже иду, все равно Митька четвертую шайбу поломал...

— И его в дом гони. Пуцай делом каким займется, а то нашел себе забаву — ворота боронить! Вона какая шишка на лбу-то растет...

— Дык... я ж тренируюсь! — даже обиделся верный Митяй, и свободные от дежурства стрельцы поддержали его согласным киванием. — Не за себя боль и муки принимаю, а токмо победы командной ради...

— Это он вчера у дьяка Филимона подхватил, — пояснил я, скидывая клюшку на плечо. — Эй, молодцы! Поработайте тут без меня по парам. Общая тренировка — после обеда, и чтоб Еремеев был!

— Слушаемся, Никита Иванович!

Я пошел в терем. Теперь могу отдышаться и, если хотите, рассказать обо всем поподробнее. Пока Яга суетится с самоваром, у нас есть минут пять, но не больше... Бабка у меня в этом смысле строгая — пока не накормит, никаких разговоров. Начну сначала... Я — Никита Иванович Ивашов, 19.. года рождения, бывший москвич, бывший младший лейтенант милиции. Бывший потому, что уже почти год живу в непонятно каком сказочно-параллельном мире времен царя Гороха. А еще раз «бывший» потому, что за последнее дело, о летучем корабле, государь представил меня к повышению, и я, с его царственной воли, добавил себе на погоны еще одну звездочку. Не буду врать, что у меня все так сразу прекрасно получалось... Если бы не практическая хватка Бабы-яги, в чей терем меня и выбросило при перемещении, я бы точно сошел с ума. Не знаю, как другие (не слишком любил фантастические романы), но лично меня, например, пришлось отпаивать от шока травяными настоями, а потом еще и работой грузить по самую маковку, чтоб о доме не скучал. Какой работой? Нашей, милицейской, естественно. Многоэтажки возводить я не обучен, электроутюг смастерить тоже не сумею, но хорошая московская школа криминалистики заинтересовала Гороха. Тот и открыл специальным указом у нас в Лукошкине первое милицейское отделение. А я его начальник, гражданин участковый, или, по-местному, «батюшка сысканой воевода». Разместились мы все в том же тереме Яги, он просторный, а бабке свой век одной доживать скучно. Вот она-то у нас и есть наилучший эксперт-криминалист по всем чародейным вопросам. А тот здоровяк, что на воротах стоял, это Дмитрий Лобов. Он при отделении... ну на все руки! И вышибала, и филер, и связной, и дворник, и охранник, а уж в смысле ареста государевых преступников — один всего столично-го ОМОНа стоит. Делу сыска предан безоглядно! И быть бы ему со временем генералом, если бы не один маленький недостаток — когда мозги раздавали, Митя в очереди последним стоял... Учим мы его, учим, как об стену горох! Я его даже увольнять пару раз пытался, рука не поднялась... Все-таки наш человек, милицейский.

После трех особенно громких расследований государь наконец дозрел — и сотня стрелецкая под командованием Фомы Еремеева

теперь «сыскной» именуется. У всех ребят шевроны на рукавах появились, почти как у меня, с трехцветным флагом. Конюшню расширили, теперь при отделении уже целых шесть лошадей, а значит, есть маленький конный отряд быстрого реагирования. Жалованье платится вовремя, плюс пайковые, да и тулупчики белые новенькие мне на все отделение из казны под расписку выдали. Сволочной бабкин петух, который в теплое время года будил меня в четыре утра, заперт в курятнике. Отбывает зимний срок, орать орет, но уже не так слышно.

В целом, надо признать, пока жаловаться грех. Тем паче что преступность с холодами резко падает, и в основном почти половину декабря мы предавались вынужденному безделью. Что и подвигнуло меня на «новые подвиги». Как говорится, не было печали... Я придумал... хоккей! Стрельцы приняли идею на ура, и за какую-то пару недель мы посадили на это дело весь город.

— Никитушка, откуда ты тока взял забаву эту басурманскую? — беззлобно ворчала бабка, пока я наворачивал щи со сметками. С ответом можно было подождать: во-первых, Яге он не очень и требовался, а во-вторых, щи очень уж вкусные... — Вчерась слышала, будто бы кузнецы супротив кожевенников играли, да не выиграли. На два раза больше им по воротам насовали. Но уж апосля, за площадью, молотобойцы свое и возвернули! Да клюками твоими мудреными так кожевенную улицу отходили, что стрельцов пришлось звать!

— Ере...меев ток...ла...тыфал! — старательно чавкая, подтвердил я.

— Да ты, молодец, ешь, не отвлекайся. Вона и каша еще дожидается...

— Н...не могу. Спасибо, бабуль, но не могу. По расписанию через полчаса тренировка, как же я с набитым пузом Митьку гонять буду?

— Пожалел бы мальчонку... — укоризненно покачала головой Яга, но спорить не стала, взялась за самовар. — Нешто можно ему вечно на воротах стоять? Измерзнет весь, да и, того гляди, шайбой твоей опять по лбу огребет.

— Пробовал я его на поле выпускать... Это все равно что ядром пушечным в магазин богемского стекла запустить — от него стрельцы во все стороны как кегли посыпались! Троиим потом примочки класть пришлось... Нет, пусть голкипером работает, и он никого не убьет, и ворот за его спиной почти не видно.

— Все одно не разберу. — Видимо, бабке тоже было нечем заняться, обычно она по два раза не переспрашивает. — Чего ж за-

ради десятков здоровых мужиков по льду гольному топотней бегают да клюками гнутыми по чурбачонку безвинному бьют? Добро бы друг дружку по горбу гвоздили, тогда хоть ясно, чья взяла... Где ж тут удаль молодецкая, где ж лихость да силушку народу показать?

— Бабуля! — медленно и строго напомнил я. — Вы прекращайте мне в команде подрывные разговоры вести. Думаете, я не знаю, кто Митьке подсказал, что в воротах не шайбу ловить надо, а нападающих противника лопатой отгонять?!

— Да не я это, Никитушка! — чересчур праведно замахала руками Яга.

Другой бы поверил, но я ведь ее не первый день знаю...

— Не вы, значит... а у шорника Егорова теперь двух зубов нет! Это как?

— А неча ему, невеже, в наши ворота с клюкой переть! — запальчиво вскинулась бабка, но под моим осуждающим взглядом осеклась. Молча сунула мне чашку с чаем и, пододвинув мед, села в уголочке, обиженно теребя уголок головного платка. В дверь постучали.

— Войдите.

— Здоровы будьте, хозяева! — Из сеней, отряхивая с шапки снег, в горницу вошел сотник Еремеев. Человек дельный и проверенный, всего по жизни добивавшийся сам, за что и был уважаем всем отделением.

— Садись к столу, Фома Силыч.

— Благодарствуем, а только некогда. Собирайся, Никита Иванович, царь тебя ко двору требует.

— Боже мой, неужели хоть там что-то произошло? — едва ли не подпрыгнув, поднялся я. Бабка тоже с надеждой вытянула шею.

— Нет, тихо все... — добродушно хмыкнул сотник. — Поговорить ему с тобой надобно. Ты ведь о смотринах царских наслышан, чай? Да и посольство запорожское не сегодня-завтра ко двору пожалует...

— Ну а я-то при чем? Я ему не брачный консультант и не дипломатический корпус...

Ехать сразу расхотелось. Однако хитрый Фома заговорщицки подмигнул и весомо добавил:

— А также хочет государь с тобой об одном дельце покалякать. Вроде бы кубок у него с червонцами лишний... Понял ли?

— Бабуль! — взмолился я, сразу все поняв. — Проведите тренировку за меня, а? Мне к царю по делу, срочно!

— Охти ж мне с тобой, Никитушка... — нарочито медленно поднялась старая ворчунья. — И спина-то болит, и колено припухло, и глазоньки уже не те, а мороз-то все леденит без разбору! Ну да беги уж... Управлюсь как-нибудь с твоими архаровцами...

— Спасибо! — Я мигом накинул тулуп, сунул ноги в валенки и на ходу чмокнул бабку в щеку.

— Никитушка!

— А? — уже в сених обернулся я.

— Ты уж там... не очень-то спеши. Как следует подмогни государю! Дай и мне на старости молодых парней по двору погонять. Э-эх, где мои семнадцать лет?!

* * *

Последняя фраза — не из Высоцкого, так в Лукошкине каждая вторая пенсионерка приговаривает. Мы с Фомой ехали в санях, полозья скрипели по снегу, возница прикрикивал на кобылу, и, чтобы говорить, приходилось слегка повышать голос.

— Ключки всем достал?

— С двойным запасом плотники настругали. Да еще шайб березовых немерено. А сколь команд в финал выйдут?

— Максимум три! Мы пока фавориты, следом по очкам — «Святые отцы», а уж за ними боярская дума.

— Вот уж не ждали, не чаяли... Да как же их, толстопузых, на такое дело развезло?

— У них в команде сейчас ни одного думца и нет, набрали легионеров из кузнецкого ряда, двое из царских стрельцов и вроде рыбак один. У него, кстати, удар хороший...

— А можно так ли? Замест своей рожи другую подставлять?!

— В принципе правилами не возбраняется...

Вот так, без лишнего шума и ажиотажа, проходил первый в Лукошкине хоккейный чемпионат на кубок царя Гороха! Государю моя затея понравилась, он и сам после первого просмотра требовал себе ключку, но бояре не позволили. Должен признать, что на этот раз они были абсолютно правы — в царский терем съезжались невесты! Да-да, наш Горох наконец-то решил жениться. Довели мужика, говорят, всем государством три года упрасивали... Оно и правильно, царю нельзя слишком долго жить гражданскими браками. То есть если иногда и понемногу, но не с каждой и не... А может, он из-за своего последнего романа так решил. Это отдельная история и печальная... Я, кстати, тоже женюсь. Нет, не сейчас, когда-нибудь, но обязательно. У меня даже девушка на примете есть, Олёна! Просто ее нет здесь сейчас... В общем, я-то

погожу пока, но потом как-нибудь мы к этой теме вернемся, обещаю...

До царского терема докатили быстро. Зима, дороги обледенели, если лошадь хорошо подкована, сани просто стрелой летят. А у Гороховых ворот творилось натуральное дорожно-транспортное происшествие в международных масштабах... Невесты прибывали косяком! И все с эскортом, парадным поездом, с прислугой, охраной, полевой кухней и прочими причиндалами. Чью-то карету на полозьях развернуло боком, проход перегородило намертво, кони храпят, возницы щелкают кнутами, бардак полнейший! Народ лукошкинский хохочет, разумеется. Видишь ли, их хлебом не корми — дай послушать, как царские невесты на иностранных языках друг дружку ругают нецензурными выражениями. Наш приезд вызвал здоровое волнение, видимо, горожане дружно решили, что я сюда явился исключительно арестовывать.

— Вяжи сквернавок, народ, пока Никита Иванович не осерчал! Будут знать, как при детях малых «состенуто кон в модэрато!» говорить! Ох, грехи наши тяжкие... Ну, ей «зи ферфлюхтер хунд!» и ответили!

— Ой, нешто так и сказали?!

— Да, а та рыжая ей вслед еще «шалавус грециус смоковнис!» добавила!

— А, ну тогда ясное дело — под арест... Подсобить ли, батюшка сыскной воевода?

— Чего спрашиваешь?! Энтих мыр заморских вона сколько, а Никита Иваныч один, носом простуженный, че ж ему переутруджаться-то... Навались, народ!

...Я только фуражку по самые уши натянул. Ну их! Пусть Еремеев сам тут разбирается, меня у Гороха ждут. Летом этих деятелей и кочергой не раскочегаришь, а зимой, на морозе, только повод дай потолкаться... Пока сотник зычным голосом наводил порядок, я кое-как, бочком протиснулся под польским обозом и, перепрыгнув через длинные полозья финских санок, успешно выбрался во двор.

Царские стрельцы, спешащие растаскивать «пробку», на ходу махали мне шапками. Ребята почти все знакомые, я тоже козырял, не сбавляя шага. Им играть на днях с Гостиным двором, там три купеческих каравана выставили объединенную команду. Гости проиграют почти наверняка, у них там все на чистом энтузиазме, а стрельцы — команда сыгранная, дисциплинированная. К тому же гвардия самого государя... Когда они нам в первый раз проиграли, Горох в запале отправил хоккеистов на конюшню и в ба-

тога. Еле успел отбить бедолаг, пояснил царю, что в противном случае чемпионата не будет — с ним играть откажутся. Государь подумал, кивнул, заменил батога на отеческий подзатыльник каждому и махом назначил себя их же главным тренером!

Я уже поднимался на второй этаж по лестнице, когда меня перехватил думский дьяк Филимон. Он выглядел измотанным и побитым, почему и вел себя достаточно вежливо.

— Здрав буди, сыскной воевода. А не одолжишь ли от щедрот своих времени толику, ибо вопрос жизненно важный имею.

— Здравствуйте, гражданин Груздев. Времени нет, царь ждет, так что выкладывайте быстро.

— Заявление в милицию твою имею, — быстро заявил дьяк.

— Фискальный донос?

— А хоть бы и фискальный, ты нос-то не вороти! Чай, мои доноски в прошлый раз за тебя всю работу сделали... Али забыл про девку чернявую, бесстыдную? — завелся было Филимон Митрофанович, но вовремя осекся. — Прощение нижайшее имею через городское отделение на отца Кондрата надавить примерно. Не могу я более в команде ихней быть, не могу-у!

— Вы мне в ухо не кричите, пожалуйста. И за португею меня хватать не надо, — чуть отодвинулся я. — Ничего не понимаю, вы ведь лучший левый защитник, на вас весь синод молится!

И это истинная правда... Хоккеист из него, как из скрипача — тореро. Но! Как только дьяк, в длинной рясе, телогрейке, косо сидящем треухе, с клюкой в руках появляется на левом фланге — все команды попросту забывают про игру... Они с ревом ловят гражданина Груздева, а тот ловко улепетывает от них под свист и улюлюканье всей толпы! Ей-богу, «Святые отцы» нам в этот промежуток две шайбы закатали, пока я хоть как-то сумел организовать ребят...

— Моченьки моей более нет, участковый... — Жалобно сморщив лицо, Филимон Митрофанович изо всех сил пытался выжать большую горячую слезу. — Каждый вечер ребрышки болят, ноги сами уж и не ходют, на голове одни шишки, ить лед-то не перина, а уж бьют меня... Ведь, по совести говоря, совершенно бесчестно бьют-то! Почем зря ведь! И больно так, главное...

— Ну... в игре всякое бывает, — вынужденно прокашлялся я. — Но судья следит, и на последнем матче два плотника получили по две минуты. Шмулинсон старается...

— Ах, Шмулинсон! — раненым изюбром взревел аж подпрыгнувший дьяк. — Да судья твой купленный с потрохами три раза и проданный, и снова перекупленный! Меня с ног бьют, а он не ви-

дит! Меня по льду на спине катят, а он отворачивается! Меня в ворота с шайбой в зубах затолкали, а он гол засчитывает! Иудей он и есть! И как тока еврею обрезанному православный хоккей судить дозволили?!

— Абрам Моисеевич — единственное незаинтересованное лицо, — попытался объяснить я, поспешно ретируясь задом к царским дверям. — Израильская команда в чемпионате не участвует, а судит он относительно честно...

— Относительно?! Да меня, грешного, от такого отношения каждый раз домой на руках относят, в безопасность относительную... Аспид иерихонский!

Спасительные руки царских стрельцов подхватили меня сзади под мышки и мигом утянули в кабинет государя. Горох с мрачным лицом маршировал из угла в угол. Это не факт плохого настроения, скорее признак крайней озабоченности и неуверенности в себе.

— Вызывали?

— Приглашал, — важно поправил Горох, но тут же споткнулся о складку на ковре, едва не растянувшись на полу. — Тьфу, зараза! Ну сил моих нет... Ей-богу, сейчас кого-нибудь обезглавлю!

— Да ладно вам... — Я похлопал царя по спине, помог поправить корону на голове и едва ли не силком усадил на широкую узорчатую скамью. — Это вы из-за невест?

— А чтоб им всем! — кивнул государь. — Угораздило сболтнуть не вовремя, так бояре верные уже к вечеру гонцов во все страны отправили. Теперь едут вон... Из Франции, из Германии, из Швеции, из Италии, из Африки...

— Что?

— Вот те крест, Никита Иванович, приперлась-таки эта Тамтамба Мумумба! — в сердцах притопнул Горох. — А наших, русских, тех вообще не считано... Едва ли не от каждого города по красе-девице послано. Рождество на носу, а у них смотрины... Ведь весь праздник мне испоганят!

— Ну это, так сказать, проблема дипломатическая. Милицию то зачем вызывали?

— Ох и зануда ты, сыскной воевода... Да, может, мне тут поговорить по душам не с кем? Может, мне тут... Выпить хочешь?

— Не могу, на службе, — твердо отказался я.

— Ну и шут с тобой, а я в одиночку тоже не буду. Хотя и надо бы с устатку безмерного... — тяжело вздохнул государь. — Так, может, вечером заглянешь, а?

— Вечерком — пожалуйста, но напиваться не буду. Сегодня до заката кузнецы с ткачами на площади играют, придете?

— Куда мне... Посольство запорожское вот-вот прибыть должно, договора пограничные обновлять надо. Бояре мне из терема и носу высунуть не дадут...

— Понимаю. А вот насчет...

— Да не забыл я. — Горох мотнул головой в сторону небольшого настенного шкафчика. — Вон дверку-то открой да кубок чемпионский с собой забирай. В конце недели сам вручишь, мне уж недосуг будет...

Я подошел к шкафчику и распахнул его...

— Нравится? — не оборачиваясь, продолжал царь. — Червонное золото, с чеканкой да эмальями, венецианской работы будет. А червончики я к нему самолично подбирал, новенькие, полновесные, один к одному! Ну чего молчишь-то, участковый?! Али от радости и речи благодарственные растерял?

...На полке было пусто. Горох встал, заглянул мне через плечо и ахнул...

* * *

— Стража-а-а-а! Все сюда! Перекрыть ходы-выходы! Хватать каждого подозрительного! Обыскивать всех подряд! Если через десять минут украденный кубок с червонцами не будет найден, я тут всем...

— Ты чего орешь, участковый? — душевно подергал меня за рукав царь.

Я обернулся, тяжело дыша от бурных страстей и кипящих эмоций.

— Как это... чего ору?! Но ведь кубок... его же нет!

— Все спокойно, молодцы. — Горох улыбочиво отмахнулся от ворвавшихся в кабинет стрельцов. Парни недоверчиво огляделись, извинились и вышли вон. — Ну-ка сядь, Никита Иванович...

— Погодите, но ведь...

— Сядь, я тебе говорю! И не паникерствуй тут! А то ишь нашел время глотку драть... Люди же кругом! Одних иностранцев полон двор, а ты шумишь не по делу...

— Так у вас же кубок украли?! — несколько овладев собой, шепотом просветил я.

Теперь уже государь почти силой усадил меня на скамью и, как ребенку малому, всучил печатный пряник, достав его из того же шкафчика.

— Да я разве с тобой спорю? Вот вчера только сам, своими руками его сюда ставил... Может, девки горничные куда передвинули? А может, и холопы стараниями усердными подалее от глаз завидущих припрятали, а мне доложить забыли? Да и сам я мог куда ни есть сунуть, голова-то кругом идет... Так выпьем, что ли?

Я отрицательно покачал головой. Царь философски хмыкнул и предложил:

— Ну, будь по-твоему, украли его! Ты у нас пока не при деле гуляешь, вот и бери себе заботу на загривок — ищи вора. Но только чтоб тихо все! Меня перед иностранными державами не позорь. Не след на весь мир трубить, что царя русского в его же тереме без спросу ограблениям подвергают, уразумел?

Пару минут я просто молчал, красный как рак. Давненько меня так не стыдили... Царь был абсолютно прав. Везде, во всем, до мелочей, а я... Нет, меня по большому счету тоже можно понять — чемпионат же! Мне через неделю торжественно вручать победителям первых городских соревнований традиционный кубок, а он тью-тью! Свистнули, украли, стащили, сперли, увели, приделали ноги, замотали, прикарманили, присвоили, угнали, оприходовали, стибрили, национализировали, скоммуниздили, прихватизировали... короче, нет его! И самое главное, что милицейская интуиция во весь голос вопила — это именно кража! Так получается, что, по сути, ограблен не только царь, но и... я?!

В дверь постучали, кто-то из бояр спешил доложить о прибытии ко двору запорожских послов.

— Все, пора мне, Никита Иванович, — хлопнул себя руками по коленям царь Горох, — следствие веди по собственному усмотрению, мне доклад каждый вечер представлять будешь. И чтоб ни одна живая душа на моем подворье о кубке похищенном знать не знала! Не ровен час, бояре опять альтернативное расследование затеют...

— Договорились. — Я встал, козырнул и направился к дверям. — Вы только... извините меня за глупую вспышку. Ребячество какое-то, сам от себя не ожидал...

— Прощаю, — важно кивнул государь. — Ну, трудись. Бог тебе в помощь, участковый.

Во двор я вылетел пулей. Успешно проталкиваясь сквозь разношерстную толпу, меж чьих-то послов, кучеров, охранников, я так торопился, что даже едва не сбил высокорослую австрийскую принцессу. Влетел лбом прямо в ее впечатляющее декольте и наверняка бы упал, если б не был подхвачен старым знакомцем

Кнутом Гамсуновичем. Посол немецкого государя Фридриха заботливо придержал меня под локоток:

— Рад вас видеть, господин участковый! Надеюсь, дела лукошкинской милиции в полном порядке?

— Да, спасибо.

— Тогда позвольте представить вас фройляйн Лидии Адольфине Карпоффгаузен, — церемонно поклонился немец. — Битте, фройляйн, это есть начальник здешней полиции, герр Ивашов!

Австриячка вытянулась во фронт, по-гусарски щелкнув каблуками, и сунула мне руку под нос с такой отработанной грацией, что я едва избежал повторного удара.

— А... очень приятно. — Мне удалось изобразить на лице дружбу двух сверхдержав и аккуратно пожать требующие поцелуя пальчики.

— Ви... есть... скремний рюсский... рейхсканцлер, я? — скосив глаза в карманный словарь, уточнила царская невеста.

— Я? — не понял я (простите за тавтологию).

— Я, я... — хихикнул Кнут Гамсунович. — Герр Ивашов — лицо, приближенное к государю, и его влияние при царском дворе ни у кого не вызывает сомнений.

Практикующаяся в языке гостя на этот раз долго сверялась с книжкой и, наконец проникнувшись, повернулась ко мне:

— Будем... дружить!

Это было сказано со значимостью двухстороннего вердикта.

— Ауф видерзейн, фройляйн. По-моему, вас ожидает Алек Борр. Спешите, не стоит обострять отношения.

— Яволь! — Австриячка по-военному развернулась на каблуках и споро отбыла. Я кое-как выдохнул...

— Позвольте проводить вас, господин участковый?

— Буду рад компании, господин посол.

Шпицрутенберг, несмотря на вполне оправданную фамилию, был очень неплохим немцем и дипломатом со стажем. В памятном деле о Черной Мессе он проявил себя с лучшей стороны. Ну, может быть, чрезмерно педантичным и ничего не принимающим на веру типом, но умеющим признавать ошибки и активно добиваться их исправления. У нас сложились вполне товарищеские отношения, в особенности после того как сборная Немецкой слободы дважды едва не вырвалась в финал.

— Если бы наш вратарь не сломал себе ногу... Поверьте, Никита Иванович, «Святые отцы» ни за что бы не обошли нас на третьем круге!

— Да, приличную замену вашему повару на льду сразу не сыщешь... Как он?

— Лекарь сказал — не меньше двух недель постельного режима, — печально хлюпнул красным от мороза носом сухопарый немец. — А ваши стрельцы по-прежнему фавориты?

— Мм... шансы у ребят значительные...

— Я слышал, царь намеревался учредить свой кубок в награду.

— Откуда слышали? — как можно безразличней уточнил я.

— Кажется, кто-то из боярской думы громко рассуждал на тему непозволительных трат из государственной казны. А что, это важно для следствия?

— Нет. Ни капли... Совершенно не важно! Для какого еще следствия? — невпопад заметался я.

Опытный работник дипломатической миссии ровно пожал плечами и вежливо переключился на другое:

— Неужели вон те крикливо одетые люди и есть знаменитые запорожцы? В просвещенной Европе такую моду сочли бы вульгарной...

— Казаки... — неопределенно протянул я. — По мнению историкографов, их костюм складывался из вещей, добытых в набегах. Штаны — от турок, пиджаки — от венгров, шапки с цветным верхом — от поляков.

— Дикий народ... Но, говорят, необузданность нрава сочетается у них с истовой религиозностью, а ярость в бою — со щедростью души?

Я молча кивнул. Лично мне запорожская кавалькада очень даже нравилась. Их было человек тридцать, все на хороших лошадях, при полном параде, длинноусые, с кривыми саблями и картинно изогнутыми трубками. Впереди ехал совсем молоденький парень с бунчуком, а за ним дородный горбоносый казачина, одетый богаче всех. Его пшеничные усы спускались ниже подбородка, папаха с лиловым хвостом подпрыгивала на бритой макушке, а голубые глаза искрились чисто детским интересом. На секунду его цепкий взгляд задержался на моей фуражке, он что-то бросил на украинском, и вся делегация залилась рокошущим гоготом.

— Майн готт, неужели этот варвар позволяет себе насмешки над милицией?! — удивленно вскинул брови Кнут Гамсунович.

Я сплюнул под ноги и отправился в отделение, у меня были срочные дела...

— Ахти ж нам, Никитушка, да что ж ты такое говоришь-то! — причитала Яга, бегая по горнице из угла в угол. Мы с черным котом Василием сидели на скамейке, поджав ноги, попадаться под горячую руку никому не улыбалось. — Это ж какое беззаконие бесстыжее наяву деется?! Это ж не Гороха, не тебя, сокола участкового, это ж лиходеи весь город одним махом осиротили! Ох, не видать вредителям хоккейным суда правого, царского... Ить я ж за такое дело сама рукавички позасучиваю да с клюкой наперевес пойду... И не стой на пути у бабушки-и!

Сунувшийся было в двери Митька, правильно оценив ситуацию, мгновенно дал задний ход, оставив после себя лишь облачко морозного пара.

— От ужо поверь мне, старой, это все конкуренты твои устроили... Финалисты, чтоб им! Загодя кубок чемпионатский с червонцами царскими к себе оприходили, чтоб команда наша милицейская и при победе с носом осталася! А ну-кась напомни мне, Никитушка, кто у нас в энтот деле персона самая заинтересованная?

— «Святые отцы», — тихо, по-подлому, предал я.

— Отец Кондрат, стало быть... — мстительно сощурилась бабка. — Пиши ему повестку, Никитушка! Сей же час пиши, а я сама и отнесу... И попрошу вежливо... и сопроводю, ежели что...

— Сопровожу, — машинально поправил я.

— Повестку пиши, Никитка, кому говорят?!

Мы переглянулись с котом. Василий неуверенно перекрестился правой передней лапой и, зажмурив глаза, дунул через всю горницу, по лестнице наверх, старательно сбив по пути ухват, пару горшков, табурет и плетеную корзину с вязаньем. Яга ахнула, обомлела и... осела на скамью, держась за сердце. Я приободрился — гроза прошла стороной, можно продолжать нормальную работу отделения. Как лицу начальственному мне разрешалось думать вслух.

— Итак, что мы, в сущности, имеем? В позитиве— практически ничего, а вот в негативе сразу два взаимоисключающих фактора — кражу и невозможность ее официального расследования. Царский терем битком набит невестами, послами и шпионами (в принципе все три понятия взаимозаменяемы), следовательно, проводить розыск в привычной для милиции методе мы не имеем возможности. Бояре сожрут нас с сапогами, если мы только сунемся со своими расспросами в эту предпраздничную бучу. Даже сам Горох предпочел бы даровать чемпионату новый кубок, а не

подвергать огласке кражу прежнего. По сути, его требования вполне логичны, ибо иностранцы прибывают уже третий день и исключать их из числа подозреваемых просто глупо. Однако на кону опять-таки пресловутая честь милицейского мундира! Вопрос в том, как перепрыгнуть через голову и отыскать похищенный кубок за... кажется, неполные шесть дней, так? Ну, плюс-минус еще два, если удастся потянуть с чемпионатом... Причем не поднимая ни малейшего шума ни в царском тереме, ни среди горожан. Дело на первый взгляд неброское... А вот теперь мне бы хотелось услышать точку зрения нашего эксперта-криминалиста. Вам слово, бабуля!

— Чей-то... не в себе я, Никитушка... — осторожно протянула Яга. Бабке явно было стыдно за содеянное, хотя пострадать толком никто не успел. — Ты бы валерьяночки мне в чаек накапал, а?

— Может, покрепче чего?

— Не, я при исполнении, — вскинула нос моя домохозяйка.

Где стоит глиняная баночка с валерианой, мне было известно, только вчера едва оттащил от нее упирающегося и пьяного в дюндель Василия. Кот давно прикладывался тайком, и хорошо, что я ее все-таки перепрыгал. Плеснув валерианы в душистый липовый чай, Яга сделала два долгих глотка и, полуприкрыв глаза, откинулась спиной к теплой печке.

— Извинений от меня не жди, участковый... Сама понимаю — не в себе была, а только правота моя в этом деле налицо! Шум да гам поднимать не будем, возьмемся за расследование с тщанием превеликим... Версию же мою насчет конкурентов со всех сторон просмотреть бы стоило пообстоятельнее!

— Хм... рациональное зерно здесь есть, — не стал спорить я, — однако для полного освещения картины не хотели бы вы прогуляться к месту преступления?

— А и съезжу-ка я, старая... — почти сразу же согласилась бабка. — До матча не обернусь, поди... Ну дак вроде игра нонче не особо интересная будет?

— Команды ниже среднего. (Это правда: кузнецы с ткачами отличаются скорее силой рук, а вот на льду стоят с чисто коровьей грацией.) Вы там посмотрите у Гороха, без лишних свидетелей, как, где, почему... Не думаю, что в краже замешана магия, но проверить все-таки не мешает... Митька-а!

— Слушаюсь, воевода-батюшка! — тут же донеслось из сеней.

Я подождал, он, видимо, тоже...

— Митя, — чуть строже, с нажимом повторил я.

— Дак тут я весь! — охотно подтвердил наш младший сотрудник. — Как есть готов к исполнению на благо родного отделения и святого Отечества!

Я недоуменно взглянул на Бабу-ягу. Старуха засмушалась и сама открыла двери:

— Митенька, да ты не бойся, касатик, не трону я тебя... Вот ведь дура неразумная, вконец запугала мальчонку! Ну иди, иди сюда, не заставляй участкового в третий раз голос повышать.

Паренек вошел по частям, то есть сначала появилась голова, торопливо оглядев окрестности и подмигнув мне в знак радости видеть живым. Потом плечи и руки, ноги вошли последними. Собрав себя в одно молодцеватое целое, Дмитрий Лобов залихватски козырнул и выкатил грудь, ожидая начальственных указаний.

— К пустой голове руку не прикладывают, — дежурно напомнил я. — Отвезешь бабулю к царю, она должна проверить... В общем, проконсультировать государя по некоторым личным вопросам. Дождешься ее во дворе и тем же порядком доставишь обратно. Да, в сани сена побольше положи и ковер какой-нибудь...

— Уразумел. Не извольте беспокоиться, доставим как по маслицу, с ветерком!

— Митя, с каким ветерком? Зима на улице. Мороз в двадцать градусов!

— Виноват! — тут же покаялся он, подумал и уточнил: — А пока бабушка Яга беседы с разговорами вести будет, мне-то чем там заняться?

— Да ничем... — пожал плечами я. — Походи туда-сюда, погрейся, невест царских посмотри, себя покажи. Ты же не на службе, а так... мелкое порученьце.

Боже, если бы я тогда знал, КАК он его выполнит!.. Пока Яга собиралась, укутываясь так, что хоть на полюс без собачьей упряжки, доблестный Митя организовал стрелцов на запряжение кобылы в сани. Я все планировал установить на дугу мигалку или хоть сирену на худой конец, но руки не доходили... Зато местные умельцы вывели на оглоблях большими буквами «МИЛИЦИЯ», щедро оформив текст жгучей хохломской росписью. Горело так, что за десять шагов глазам больно! Бабуля помахала на прощанье, Митяй подобрал вожжи, свистнул, гикнул, и кобылка пошла бодрой рысцей.

Я вернулся в терем, налил себе чаю. Двое молодцов отправились на поиски Еремеева, а пока его нет, можно было не торопясь рассмотреть сложившуюся ситуацию. В принципе это дело разво-

рачивалось не особенно ярко, поначалу я даже думал, что все само утрясется, но... Короче, Фома заявился примерно через полчасика, а основные проблемы начались почти сразу же после его прихода. По крайней мере в то же время, но не у нас, а в царском тереме...

* * *

— Фома, сядь! Сядь, Христа ради! Фома, ты же не ребенок, не вынуждай меня на крайние меры...

— Да кто посмел, мать их с первачом да калачом, всей ярмаркой да под трехрядку! Какая ж стервозина облепиховая, чтоб ей качалом по сусалам, с размаху да без промаху! Я ить всю сотню под ружье подниму, не помилию, у меня тут всякой поверх хлеба-ла так вразнос напотчуется, что к вечеру пять кубков с червонцами доставлены будут! Эй, ребятушки...

Я затыкал его силой. Другого выхода не было, история неумолимо двигалась по спирали, а если бы я еще и Митьке рассказал... Помнится, Груздев с Псуровым весь город в подозреваемые записывали, так наш бугай и все Лукошкино «заарестовать» не постесняется. Еремеев успокоился минут через десять, к возвращению Яги мы уже обсудили все основные моменты и договорились относительно планов совместных действий.

— Предупреди только самых опытных и неболтливых. Если в городе узнают о краже чемпионского кубка — на следствии можно ставить крест! Даже наша бабуля потребовала тут же взяться за финалистов. Так у нас здесь все команды передерутся на фиг... Благо клюшек у людей настругано — будь здоров! Так что имей в виду: все расследование проводить в рамках жесточайшей секретности.

Фома понимающе покивал, что-то прикинул, глядя в потолок, и, пожав мне руку, отправился по делам службы. Я вышел было его проводить, и тут... Ей-богу, мы оба просто остолбенели на пороге — прямо через распахнутые стрельцами ворота с уханьем и скрипом влетели расписные милицейские сани, из которых к крылечку практически вывалилась пьяная в дрезину Яга! Такого я не видал ни-ког-да! Судя по отвисшей бороде Еремеева — он тоже... Мрачная, по причине полнейшей трезвости, морда Митьки только усиливала контраст. В ответ на мой изумленный взгляд он хлопнул шапкой об колено и с горькой обидой объяснил:

— Царь-государь потчевать изволили! Шампанью франкскую на двоих распили. Самодержец сказал, кисло-де, а бабуля наша вдруг да и распробовала!

— А тебе почему не наливали? — с убийственной глупостью ляпнул я.

— Дык ить и я о том же! — едва не заревел наш умник. — Не уважают при дворе царском оперативных работников младшего звена... Я на морозе почитай не меньше часа вживую мерз, девицам заморским да люду приезжему задарма советы добрые раздавал — и что?! Принесли двое бояр эксперта нашего, прямиком в руки швырнули, а сами бежать! Вот хоть бы рюмочку водки с таких трудов великих, так нет... И не пьянства же ради, а токмо для профилактики простудно-легочных заболеваний!

— М...митька, — опомнился я, подхватывая наконец бабку, — ты мне тут зубы не заговаривай. Ставь кобылу на место и марш в дом греться. А мы с Фомой... Да помощи же!

Еремеев захлопнул рот и вовремя подхватил бабку слева. Вдвоем мы подняли на треть уже лежащую в сугробе Ягу.

— Ми...ни...ки...ки...туш... — любовно проблеяла она, старательно пытаюсь одарить меня материнским поцелуем. — Дык... уж не тряси... м-ня, старую... Ить тока... чу-чу-чутощку и... и п...пригубила, но! В интересах следствия... Тсс!!!

— О нет! — сжал я зубы: повторялась Митькина версия, но в авторском исполнении нашей заслуженной домохозяйки.

Мы занесли старушку в дом, сняли с нее валенки и шубейку, в остальном просто сгрузив ее на большой топчан в бабкиной комнате. Фома накрыл сопящую труженицу тяжелым лоскутным одеялом, а я осторожно прикрыл дверь. Судя по стойкому аромату настоящих французских вин, Яга будет спать долго... Еремеев тихохонько выперся из горницы, оставляя меня один на один со всеми проблемами. Что же, интересно, такого сверхважного сумела выяснить наша бабуля из того, чего не смог заметить я?.. Может быть, опять замешана магия? В их мире такие волшебные штучки — самое обычное дело. Привыкнуть к этому невозможно, мириться с этим трудно, бороться бессмысленно, но как-то сосуществовать необходимо. Мельком глянув на часы, я отметил, что до начала хоккейного матча остается не более десяти минут. В принципе мое присутствие на площади уже не требовалось: народ давно вызубрил правила, а из Шмулинсона действительно вышел толковый судья. Вроде бы можно и не ходить, но хотелось развеяться...

— Митька!

— Туточки, Никита Иванович! — мгновенно отозвались из сени. — Где, какую службу опасную справить требуется?

— Никакой службы, — отрезал я, когда парень высунул голову в ожидании начальственных указаний. — Наоборот, за то, что справился с заданием, решено отметить тебя внеочередным поощрением. Хочешь со мной на хоккей?

Ответить он не успел. Только расплылся в счастливой детской улыбке от уха до уха, едва не пуская слюну, как со двора истерично донеслось:

— Казаки! Ка-за-ки-и-и!

Я непонимающе изогнул правую бровь.

— Ворота запирай! Заряжай пищали! Где Еремеев?! Навались, молодцы! Участкового, участкового зови!

В сени ворвался бледный стрелец с саблей наголо, безуспешно пытающийся совладать с языком:

— А... уж ты... ты... та-а-м...

— Кто это, Митя?

— Федька Заикин! На прошлой неделе из царского гарнизона в наше подразделение переведен.

— Та...ам ка...ка...за... ка...заки!

— И что, он всегда так?

— Не-а, тока ежели волнуется страшно. Ну спросонья еще или темноты боится, а так... ничего.

— Ка...ка...заки, гов...гов...ворю же, т...т...там!

— И это «ничего»?!

— Ну разве когда еще сказать чего хочет... — явно заступаясь за бедолагу, успокоил Митяй.

Я махнул на них рукой и пошел разбираться. По двору перепуганными курами бегали храбрые еремеевские стрельцы. Дымились фитили у пищалей, матово сверкали клинки и бердыши, кто-то торопливо крестился, и большинство, кажется, уже было настроено на героическую кончину. При виде меня молодцы воспрянули, но на улицу не пустили:

— Охолонись, сыскной воевода, нельзя туда!

— Почему?

— Казаки там... — с благоговейным ужасом выдохнули стрельцы. — Уж ты не ходи, отец родной, мы за отделение все костями поляжем, а не пропустим!

— Минуточку, я что-то...

— Не ходи, участковый! Забор надежный, ворота тесовые, глядишь, до подхода Фомы Силыча и отмашемся...

Нет, ну маразм полнейший! Можно подумать, у нас в Лукошкине гражданская война перед Новым годом загромыхала...

СОДЕРЖАНИЕ

ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА	7
ЗАГОВОР ЧЕРНОЙ МЕССЫ	163
ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ	323
ОТСТРЕЛ НЕВЕСТ	497